Мировой бестселлер, переведенный на 22 языка!
18+
Что бы ты сделал, если бы тебе осталось жить 100 дней?
ФАУСТО БРИЦЦИ
100 ДНЕЙ СЧАСТЬЯ

Фаусто Брицци

100 дней счастья

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9063160
Брицци, Фаусто 100 дней счастья : роман: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-086233-7

Аннотация

Не каждому дано знать, какой день станет последним в нашей жизни. Но Лучио Баттистини, сорокалетний тренер по водному поло, живущий в Риме с женой Паолой и двумя детьми, точно знает дату своей смерти. Больше того: он сам ее назначил, когда у него обнаружили рак печени, который он иронично прозвал «дружище Фриц».

У Лучио ровно сто дней.

Сто дней, чтобы остаться в памяти детей хорошим человеком, насладиться путешествием с друзьями и, главное, снова завоевать сердце Паолы, разбитое нелепой изменой мужа.

Сто дней, чтобы ощутить, как прекрасна и удивительна жизнь.

Сто дней счастья.

Содержание

Краткое содержание предыдущих серий 7
Моя семья 12
Маленькое отступление 16
Мои друзья 18
Почти добрались до сути 20
Дружище Фриц 25
Сколько осталось? 31
– 100 34
– 99 37
– 98 40
– 97 41
– 96 42
– 95 44
– 94 45
– 93 47
– 92 48
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Фаусто Брицци
100 дней счастья

Посвящается Клаудии, которая для меня всё

Будь я богат, проводил бы почти целый день в мягком кресле и думал о смерти. Но я не богат, и думать о ней я могу только урывками или тайком.
Чезаре Дзаваттини

«100 GIORNI DI FELICITA»
by Fausto Brizzi
Перевод с итальянского *Татьяны Быстровой*
Публикуется с разрешения автора и литературного агентства Kylee Doust Agency.
© 2013, Fausto Brizzi
© Быстрова Т., перевод, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2015

*** * ***

В моей жизни было три решающих дня. Дабы не умалять важности ни одного из них, я расскажу о каждом в строгом хронологическом порядке.

День первый – пятница, 13 октября 1972 года. Пятница, тринадцатое.

В тот самый день «Фоккер» падал на Анды, увлекая за собой сорок пять пассажиров, которым предстояло пожрать друг друга, чтобы не умереть с голода, а Антонио и Карла, мои родители, которым тогда было по восемнадцать, занимались любовью в тесном бежевом «даяне». Парочка припарковала драгоценное транспортное средство, уже в те времена считавшееся раритетом, на окраине города на маленькой площади, специально предусмотренной планом городской застройки города Рима для таких вот влюбленных. Они словно оказались в открытом космосе: несколько продрогших скучающих холодильников, печальная икающая лампочка да скупщик подержанных авто, вокруг которого сгрудились безропотные машинки, а больше – ничего.

Шикарные декорации для начала любовной истории.

Антонио и Карла познакомились в тот же день на вечеринке в честь дня рождения некоего Манрико, толстого, вечно потного зубрилы из Фраскати, который был безнадежно влюблен в мою маму с шестого класса. Карла как раз послала его подальше, едва он пригласил ее потоптаться под томные аккорды раннего Элтона Джона, как вдруг подняла глаза и увидела папу. Антонио посмотрел на нее издалека и чуть было не подавился бутербродом с тунцом, помидорами и майонезом. Высокий, стройный и ушлый, папа играл на электрогитаре и сочинял мелодии в стиле рок, надерганные из малоизвестных композиций «Роллинг Стоунз». Просто один в один Шон Коннери, но на папиной щеке красовался шрам, благодаря которому он казался еще загадочнее и мрачнее агента 007. О шраме Антонио мог рассказывать часами. Все зависело от слушателей. Одним предлагалась версия, что шрам был получен в страшной драке на рынке города Мехико, другим подавалась история о том, как его задел ножом ревнивый регбист из Бергамо, третья версия гласила, что его полоснул бутылкой сам Фрэнк Синатра, который безумно завидовал папиному голосу.

Папа, профессиональный раздолбай, был настолько далек от общепринятых стандартов, что, если б только захотел, легко мог бы заменить председателя Совета министров. Правду знал только я один, ее мне доверила опасная шпионка – тетя Пина из Апулии: когда папе было три года, он упал с трехколесного велосипеда прямо на тротуар. Как бы то ни было, но каждый вечер в «даяне» красавца Антонио сидела новая пассажирка. Настала и мамина очередь быть соблазненной, однако Антонио ее не бросил, потому что в самый ответственный момент в машину, где находились мои будущие родители, врезался красный «фиат-500». За рулем находились двое нетрезвых двадцатилетних типов из Фрозиноне, которые, сами не ведая того, вложили серьезную лепту в процесс моего появления на жизненной сцене, поскольку благодаря вышеупомянутому столкновению презерватив порвался в самый неподходящий момент. Парни, где бы вы ни были, в своем Фрозиноне или на Марсе, благодарю вас от всей души!

В ту самую пятницу, тринадцатого я незваным гостем появился на планете Земля, что, в общем-то, не помешало Антонио и Карле любить меня изо всех сил, пока они не расстались. Впрочем, это уже другая история, грустная и печальная. Если представится случай, я поведаю ее чуть погодя.

Еще одним важным днем моей жизни стало 11 сентября 2001 года. Пока все уткнулись в телеэкраны и наблюдали за двумя «боингами-767», которые неслись прямо на нью-йоркские башни-близнецы, порождая новые вопросы для мирового сообщества и нового врага для американского государства, я сидел в ресторане на морском берегу в компании лучших друзей и любимой женщины, Паолы. Вроде бы обычный ужин, какие часто устраиваешь с друзьями, когда лето подходит к концу, но штука в том, что я не просто хотел заказать рыбку на гриле и разделить ее с присутствующими, – нет, я хотел попросить Паолу выйти за меня замуж, а она этого даже не подозревала. Как и мои друзья.

Я подговорил пожилого официанта и подготовил банальную и романтичную сценку. Всего за двадцать евро в условленный момент официант должен был потушить свет, поставить нашу любимую песню (для истории сообщу, что это «Always in my mind» в исполнении вечно юного Элвиса Пресли) и торжественно внести огромный торт-мимозу, в центре которого на завитке темного шоколада красовалось обручальное кольцо.

Все складывалось как нельзя лучше: ночь была звездной, и казалось, что мы находимся в самом центре рождественского вертепа, друзья были теплы и душевны, точно персонажи рекламного ролика, ветерок дул так нежно, словно его сотворил сам Господь Бог. Все идеально. Ну, или почти идеально.

Я забыл про Умберто.

Умберто – мой лучший друг, работает ветеринаром. Я еще не раз упомяну его на страницах этой книги.

Когда подали торт, он встал, задорно подхватил шоколадный завиток и воскликнул:

– А это для меня, ребятки!

И в результате сломал зуб об обручальное кольцо.

Приехала «скорая помощь», а незабываемый романтический вечер растаял в ночи, словно и не бывало.

Несмотря на эту жалкую сцену, Паола согласилась стать моей женой.

В начале следующего года мы поженились в маленькой готической церквушке неподалеку от Милана. И это один из немногих поступков, о которых я ни разу не пожалел.

Паола – главная героиня моей жизни. Она такая неподражаемая жена, что, несомненно, заслужила уже не один «Оскар».

Надеюсь, вы не возражаете, если я расскажу о ней поподробнее.

Третий важнейший день в моей жизни – воскресенье, 14 июля 2013 года. Прошла всего неделя с тех пор, как мне исполнилось сорок.

Мне следовало бы сразу понять, что это особенный день. Никаких тебе терактов, никаких самолетов – сцена принадлежала мне, и только мне.

Воскресенье выдалось жарким и скучным, ничего интересного за весь день так и не произошло. Если не считать того, что в 13:27 я глубоко вдохнул и ушел из жизни.

Понимаю, я уже рассказал вам, чем все закончится, и читать книгу до конца больше не имеет смысла. Процесс чтения безнадежно испорчен, но книгу-то вы купили, и бросать ее в самом начале несколько преждевременно, поэтому я сообщу вам имя моего убийцы. Да, убийца все-таки есть, хотя роман написала совсем не Агата Кристи. Его спокойно можно назвать серийным, потому что он убил не меня одного, а несколько миллионов человек. Гитлер и Ганнибал Лектор могли бы ему позавидовать. Ежегодно от его рук умирает примерно каждый третий человек на земле. Согласно статистике, это – одна из причин, почему вымирает Европа. Словом, я оказался в отличной компании. Фамилии у моего убийцы нет, а имя довольно короткое. Так называется одно из созвездий. Это печальное слово – рак. Некоторые предпочитают говорить «опухоль» («tumor» в переводе с латинского означает «вздутие» – вот для чего нужна латынь), врачи же называют его «неоплазия» (что в переводе с греческого означает «новообразование» – вот для чего нужен греческий). А я назвал его «дружище Фриц». Звучит не так угрожающе и как-то дружелюбнее.

Эта история о том, как я прожил последние сто дней своей жизни на планете Земля в компании дружищи Фрица.

И еще о том, как, вопреки всякой логике и предсказаниям, эти сто дней оказались самыми счастливыми в моей жизни.

Краткое содержание предыдущих серий

Давайте вернемся на шаг назад и посмотрим, как я жил до недавнего времени, а иначе вам будет непросто разобраться в событиях моей истории, ведь это все равно что смотреть сериал «Остаться в живых» с шестого сезона.

Не стану слишком надоедать. Для начала я расскажу о главных событиях собственной жизни, потом представлю действующих лиц, и, наконец, если позволите, подведу итоги и выскажу кое-какие разрозненные соображения. Так что давайте поскорее перейдем к сути дела и обратимся к тому дню, когда дружище Фриц постучал в мою дверь.

Зовут меня Лучио. Среди самых ужасных имен это занимает седьмое место в хит-параде после Пино, Рокко, Фурио, Руджеро, Джино и недосягаемого по отвратительности Дженнаро. Моя мама фанатела от старика Баттисти, «Солнечная песня» которого в те самые годы раздавалась из всех музыкальных автоматов, так что словосочетание, которым мне предстояло подписываться всю жизнь, оказалось предопределено: Лучио Баттистини. Теперь дошло? Да, да, в том-то и штука, что по иронии судьбы фамилия моего отца была Баттистини. Сейчас-то вы понимаете, почему моя жизнь неуклонно шла в гору, а не под горку? Представьте себе парнишку из семидесятых, прыщавого жиртреса в очках с толстенными стеклами, которого зовут почти один в один как самого знаменитого итальянского барда, и сознайтесь, что вы сами не устояли бы перед искушением его подразнить.

Признаюсь, я рос несчастным и закомплексованным неудачником. Сегодня меня совершенно точно, и чуть ли не ласково называли бы «обычным лохом». Я обладал всеми данными, чтобы девушки разбегались от меня, как от мандзонианского чумного: обожал комиксы, триллеры и песни бардов, покончивших с собой.

Судьба предлагала мне два варианта: стать компьютерным гением, придумать новую оперативную систему, сидя в отцовском гараже, и заработать миллиарды или схватить автомат, завалиться в ближайший супермаркет и устроить там заварушку. Увидев мое лицо в выпуске новостей, родственники, друзья и соседи воскликнули бы в один голос: «Да, странный был тип, очень уж странный!»

Но я выбрал третий вариант и превратился из гадкого утенка в прекрасного лебедя. Конечно, не такого крутого, как в сказке, но вполне себе сносного, полноценного лебедя. В четырнадцать я уже похудел на двадцать килограммов, в основном благодаря стремительному росту гормонов, прикупил контактные линзы (произведенные, хоть никто об этом и не догадывается, угрюмым немецким окулистом по имени Адольф Гастон Юджен Фик, непревзойденным гением двадцатого века, но изобретенные за четыреста лет до него его светлостью Леонардо да Винчи). Спустя три года, в семнадцать лет, я стал самым молодым чемпионом Италии по водному поло в серии А, а это не шутки. На самом-то деле я был запасным вратарем и добрую часть игр проводил в халате на лавочке, но пару раз я все-таки встал на ворота и даже отразил штрафной, так что титул вполне заслужил.

Мне всегда нравилось плавать, особенно я любил «баттерфляй», который все дети из природного чутья называют «дельфинчиком», поскольку и дураку ясно, что бабочки плавать не умеют. В школе я избегал конфликтов интересов, умудрился не превратиться в изгоя и нежно лелеял в себе большое и вполне разделенное чувство: любовь к бутербродам с маслом и джемом. 110 калорий в кусочке хлеба, плюс 75 – масло и еще 80 – джем, итого 265. Силы оказались неравны.

Примерно десять лет я изо всех сил старался удержать кубики в районе пресса, но когда мне исполнилось двадцать шесть, я прекратил истязать себя, поскольку стал жертвой несчастного случая с участием скутера «веспа», в результате которого повредил связки колена, а заодно и заметно прибавил в районе талии. Если верить противным весам, два-

дцать килограммов, потерянных в годы взросления, вернулись, а с ними явились и другие. В результате, я вырос в этакого Шрека под метр девяносто весом сто десять кило. Так что не нервируйте меня, а лучше читайте дальше.

Я закончил классический лицей, получил диплом Высшего института физвоспитания (для посвященных «ВИФ»). В двадцать восемь лет устроился на работу в спортзал. Не в надраенный до блеска идеальный фитнес-клуб из фильма Траволты, нет в самый обычный местечковый спортзал, ютящийся в подвальном помещении грустного кондоминиума середины пятидесятых. В спортзале располагался небольшой бассейн, уложенный поблеклой голубоватой плиткой, которая мечтала о том, чтобы возродиться к жизни и послужить верой и правдой новому бассейну «pool infinity». Теперь я – тут звук фанфар: та-дам! – спасибо, спасибо – инструктор по плаванию, аэробике и НЖЯ (курс «ноги-живот-ягодицы»), а главное, по аквааэробике. Иногда еще подрабатываю личным тренером, если кто-то попросит, а просят обычно роскошные домохозяйки. Роскошные в том смысле, что их формы уже не влезают ни в один купальник, но они не сдаются. В общем, пытаюсь заработать на хлеб своими руками, насквозь пропахшими хлоркой. Кстати, вы знали, что типичный запах хлорки (вроде бы, это известно всем с раннего детства) – не что иное, как химическое соединение собственно хлора и мочи тех, кто плескается в бассейне? Чем сильнее пахнет, тем меньше вас должно тянуть окунуться в бассейн. Не говорите потом, что я вас не предупреждал.

В общем, пока я мечтал об олимпийской медали, которая бы упокоилась на моей груди, представлял, что слышу громкие звуки итальянского гимна, и чувствовал, как по коже вот-вот забегают мурашки волнения, приходилось перебиваться работенкой, уготованной самой жизнью. Я проводил шесть часов в день в полуподвальном спортзале, где запах пота волшебным образом смешивался с запахами, доносившимися из ближайшего вьетнамского ресторана. В свободное время я умудрялся приблизиться к своей мечте: тренировал юношескую команду по водному поло. Ребята лет по четырнадцать-пятнадцать: хуже возраста не придумаешь. Я отобрал их в лицее, где преподавала моя жена, и тренировал в местном бассейне пару раз в неделю. По правде говоря, результаты особо не радовали. Столько труда, сколько пропущенных голов. На местном чемпионате в своей категории мы заняли почетное предпоследнее место, к счастью, скатиться ниже нам не удалось, потому что ниже этой серии не бывает. В этом году мы висели где-то посередине таблицы – ни тепло ни холодно. Но что я все жалуюсь – нет в мире лучшей судьбы, чем судьба человека, который хочет заложить в детское сердце любовь к спорту.

Так складывалась моя карьера. Осталось поведать о другой, куда более важной стороне моей жизни: семейной. С Паолой я познакомился, когда мне было двадцать, в пивном баре. Она дружила с одной девицей, которая, в свою очередь, была подругой моей знакомой по ВИФу. Обычно подруги подруг моих знакомых по ВИФу – безвкусные и неуклюжие шпротины. Но когда Паола вошла в забегаловку, она настолько отличалась от всех остальных девчонок, словно ее покрасили фосфоресцирующей краской. Как будто контуры фигуры обвели желтым, подчеркивая эту девушку, чтобы ты никогда ее не забыл. Так навсегда остается в памяти однажды выученное стихотворение. Через десять минут я осмелился пригласить ее посмотреть, как я играю в водное поло (после чего на коленях умолял тренера выпустить меня хотя бы на пару минут). В те годы я еще чего-то стоил, а она работала в маленькой родительской булочной – печальный факт, который за несколько лет оказался решающим для моей физической формы, точнее, ее полного отсутствия, и окончательно стер с пресса следы кубиков. Фирменное блюдо нашей семейной булочной – жареные пончики с сахарной пудрой. Мягкие, ароматные пончики – вкус детства. Традиция их приготовления сохраняется в семье более тридцати лет. Оскар, мой тесть, в два часа ночи уже приоткрывает ставни в булочной, чтобы шалопаи и бездельники района Трастевере могли вгрызаться в теплые маслянистые пончики. С тех пор, как его жена умерла, он крутится в булочной один. Ему помо-

гает сенегальский парень, который постоянно хохочет. А Паола закончила филологический факультет и после нескольких временных подработок получила постоянное место в лицее.

Через пару месяцев горячей любви (первые два месяца – это самый сок, кто станет отрицать?) я ловко подстроил все так, чтобы Паола меня бросила, как всегда делают парни, если хотят избавиться от пассии. И все ради того, чтобы пофлиртовать с некоей Моникой, девицей из Марке, которая училась на психолога и не брила подмышки.

Потом мы не виделись почти десять лет. В любви все должно быть синхронно, а в то самое время у нас все было ровно наоборот: Паола уже мечтала о семье, в то время как я думал только о том, чтобы перепихнуться со всеми женщинами планеты, и не важно, бреют они подмышки или нет. Такие противоположные наклонности было бы сложно удовлетворить одновременно.

Однажды судьбе было угодно свести нас снова в очереди к кассе супермаркета. На самом-то деле, поскольку Паола превратилась из длинноволосой блондинки в обладательницу каштанового каре, поначалу я ее даже не узнал и проговорил с ней добрых десять минут в твердой уверенности, что говорю с внучкой одной из подруг моей бабушки. Но я так никогда и не признался в своей ошибке.

Я сразу пригласил Паолу на ужин и продемонстрировал ей свою проверенную годами технику чтения карт. Я поясню.

На площади Навона с давних пор работала старая гадалка, тетя Лоренца. Седые волосы собраны в пучок на затылке, изо рта – не заткнуть – потоком льются слова, в руках у тетушки – ветхая и потертая колода Таро. С предсказаниями будущего у нее, прямо скажем, было хуже некуда, и все же тетя Лоренца умудрялась обвести вокруг пальца любого, особенно если мухлевала. Я всегда пользовался ее услугами, чтобы произвести впечатление на девчонок. Работали мы следующим образом (если хотите, можете свободно пользоваться моим трюком, права свободны): я прогуливался с девушкой по одной из самых красивых римских площадей, мы разговаривали о том о сем, и когда проходили мимо лавочки старой ведьмы, я тихонько подкидывал ей скомканную бумажку. Развернув бумажку, моя сообщница получала необходимую информацию о жертве, читала о ее пристрастиях и тех немногих жизненных фактах, которые я успел разузнать. Когда мы шли в обратную сторону, я уже умудрялся аккуратно перейти к теме «паранормального», при этом изображал из себя скептика, если девушка верила в высшие силы, и разыгрывал увлекающегося сверхъестественным, если она считала, что все это чушь. Тут план переходил в следующую стадию: я предлагал ей пойти погадать на картах, так, смеха ради. Ни одна девушка ни разу не сказала «нет». И тут на сцену выходила тетя Лоренца, которая умудрялась невероятным образом воспроизвести всю жизненную канву потенциальной жертвы, коснувшись как прошлого, так и настоящего, и, разумеется, будущего. Прошлое и настоящее сообщал ей я, в то время как категория будущего оставалась за гранью видимости. Одним словом, результат был гарантирован, особенно эффектно звучало предсказание о том, что «имя мужчины твоей жизни начинается на Л». Л – то есть Лучио. И если девушка (подопытная свинка) уже верила в пятое измерение, этот вечер оказывался главным событием ее духовной жизни, если же нет, она долго пребывала в состоянии шока. В любом случае, мне было нетрудно воспользоваться ее состоянием: такой уникальный опыт контакта с паранормальным, как правило, единил не только наши души, но и тела. Не знаю, поняла ли хоть одна из них, что все это было подстроено, но работало на ура. И если кто-то станет утверждать, что паранормальное – это все чепуха, я с готовностью отвечу: «Что правда, то правда, будущего не знает никто… кроме меня, когда я в компании девушки отправляюсь на площадь Навона». В этом случае будущее мне прекрасно известно. Вот и с Паолой все прошло как по маслу. Но, смею вас уверить, это было в последний раз. В тот самый вечер, обласканные теплым ветерком, мы во второй раз обменялись первым поцелуем. Мы официально объявили о помолвке, и не прошло и трех

месяцев, как мы уже жили вместе в однокомнатной квартирке напротив острова Тибертина. Классический случай вновь вспыхнувшего огня. На этот раз, наконец-то, мы оказались на одной волне и были безумно влюблены.

Как я уже сказал, мы поженились в небольшой церквушке мученика Святого Роха, что неподалеку от Милана, и таким образом наши римские знакомые были вынуждены предпринять не слишком близкое путешествие. Но такой странный выбор был сделан не случайно: примерно пятьдесят лет назад в той самой церкви поженились мои бабушка и дедушка (с маминой стороны), Альфонсина и Микеле, самые знаменитые консьержи. После исчезновения моих родителей (а они как раз-таки исчезли, в смысле, не умерли, а делись неизвестно куда, но об этом позже), бабушка и дедушка стали моей единственной семьей.

Как мне представляется, на седьмой день Бог вместо того, чтобы отдыхать, занялся созданием бабушек и дедушек. А когда создал, то понял, что это его самое гениальное изобретение, и решил устроить себе выходной, чтобы насладиться их компанией.

Я прожил с бабушкой и дедушкой пятнадцать лет, и наши вечерние бдения втроем за столом, на котором красовалась индейка в панировке или пюре с подтаявшей моцареллой, мне никогда не забыть. Даже сейчас, стоит закрыть глаза, я чувствую запах жареной индейки, который доносится с кухни, и слышу далекий бабушкин голос: «А ну-ка за стол, остынет!». Когда я прохожу мимо будки, где они работали и чуть ли не жили, мне до сих пор кажется, что я увижу их лица: дедушка нацепил очки и сортирует почту, а бабуля старательно поливает герани.

Альфонсина и Микеле были моими свидетелями. Наверное, это был лучший день в жизни обоих. Я никогда не видел, чтобы они так плакали от радости. Им было уже за восемьдесят. В какой-то момент священник, дон Вальтер, худой как швабра тип с сильным калабрийским акцентом, сделал им замечание, и пришлось даже прервать церемонию. Но все только посмеялись.

Несколько лет назад они ушли из жизни, сначала дедуля, а через несколько недель и бабушка. Оба умерли во сне, просто угасли, никого не побеспокоив.

Они не могли жить друг без друга. Дедушка и бабушка едва успели увидеть своих правнуков, Лоренцо и Еву.

Как несправедлива жизнь!

Дедушка и бабушка – как супергерои. Они должны быть бессмертны.

Спустя несколько месяцев я навсегда закрыл дверь их маленькой квартирки неподалеку от консьержной будки, но прежде обнаружил на антресолях огромный чемодан. С таким обычно уезжают в Америку, навсегда. В чемодане были фотографии. Сотни фотографий. Не какие-то дурацкие отпуска черт знает где, дни рождения неведомых знакомых и так далее, и тому подобное. Нет. Это были бабушкины фотографии. Дедушка фотографировал бабушку каждый день на протяжении шестидесяти лет. Каждый божий день. Не пропуская ни дня – на каждой фотографии была надписана дата. Черно-белые, цветные, из «полароида», и самые последние, снятые на цифровую камеру. Фотографии были сделаны в разных местах: в будке, на улице, на море, в булочной, в супермаркете, перед Сикстинской капеллой, на Народной площади, на колесе обозрения, на смотровой площадке собора Святого Петра, одним словом, куда бы ни забросила судьба. Я не мог от них оторваться. Я разглядывал юную бабушку, наблюдал, как у нее появляются первые морщины, как седеют волосы, как увеличивается талия, – только ее улыбка оставалась прежней. Меня поразило не то, как она стареет, нет, скорее, фон, на котором ее снимали. За бабушкиной спиной менялась Италия. Это была История. За ее фигурой можно было различить символы каждой эпохи: «фиат-1100», «ситроен-акула», шляпы с полями, панинари[1] и панки, афиши концертов Поля Анка, Шарля

[1] *Панинари* (от итал. *panino* – сэндвич) – итальянская молодежная субкультура, зародившаяся в Милане в начале 80-

Азнавура и Робби Вильямса, скутеры «ламбретта» и «веспа», а потом и современные скутеры, Биг Джим, кубик Рубика, желтое такси и магазинные вывески, раскрашенные вручную. Печальное течение времени. Как здорово, что есть фотография! Какое все-таки потрясающее изобретение. Кстати, насчет фотографий. Первым фотографом был Жозеф Нисефор Ньепс, француз, непревзойденный гений XIX века. Как и в случае с линзами, Леонардо да Винчи, многоборец «ars inventandi»[2], начал экспериментировать с фотографией задолго до этого. Есть даже те, кто считает, что Туринская плащаница – не что иное, как зачаточный эксперимент с фотографической пластиной, проводимый тосканским гением. Потрясающее предположение.

Извините, я несколько отклонился от курса. После смерти в голове все так перемешалось, придется вам поверить мне на слово. Вернемся к тому, с чего начали.

Итак, персонажи этой истории.

х годов и состоящая из сторонников глобализации и популяризации американской культуры. *Здесь и далее – примечания переводчика.*

[2] Искусство изобретения *(лат.)*.

Моя семья

Пять персонажей уже робко показались на сцене: моя жена Паола, мой тесть Оскар, мои дети Лоренцо и Ева и мой лучший друг Умберто, вечно голодный ветеринар, оставшийся без зуба. Не хватает Коррадо, моего второго близкого друга, который работает пилотом в компании «Алиталия». Он довольно предсказуемый тип и уже несколько раз разводился (типичный образчик очаровательного капитана, который соблазняет стюардессу за стюардессой).

Но сначала поговорим о Паоле. Паола. Паола.

Моя Паола.

Паола – невероятно красивая женщина. То есть для меня она – невероятная красивая женщина. Для остальных она просто симпатичная женщина. Это девочка с карими глазами, косичками и округлыми бедрами, что сидит за третьей партой и смотрит на тебя влюбленными глазами, пока ты глупейшим образом делаешь ставку на жеманную блондинку на первой парте. И пока еще не знаешь – а это уже не раз доказанное правило – что жеманные блондинки, сидящие за первой партой, всегда встречаются с второгодниками из одиннадцатого класса. И когда в одиннадцатом ты специально остаешься на второй год, чтобы вызвать интерес в ее глазах и получить хоть какую-то надежду, эта птица все равно проносится мимо.

Паола – итальянская Бриджет Джонс. Она любит посмеяться над собой, она такая светлая, сердечная, и грудь у нее четвертого размера. Такую женщину нечасто встретишь, снег на Мальдивах и то идет чаще. Она обожает читать и с жадностью глотает роман за романом. Например, ее любимая книга – «Маленький принц», Паола собирает издания этой книги на всех языках и любых форматов.

Как я уже сказал, она работает в колледже. Паола – просто Марадонна среди тамошней профессуры. Она преподает итальянский язык, латынь, историю, географию, и все у нее так хорошо получается, что сам Леонардо да Винчи ей в подметки не годится.

И это я говорю не потому, что Паола – моя жена. Она действительно особенный преподаватель.

Сейчас поясню.

Работа преподавателя (а это, пожалуй, важнейшая профессия на свете) не только не ведет к финансовому благополучию, но часто бывает довольно однообразной. Каждый год учитель истории рассказывает в сотый раз очередному потоку, что вот были такие финикийцы, или вот Вторая мировая война разразилось потому-то и потому-то, а учитель математики объясняет интегралы и производные, а учитель латыни объясняет, как просклонять существительные и как перевести поэмы Горация, и так далее, и тому подобное. Частенько преподаватели устают, и им становится скучно. И это делает их скучными для остальных, и потому их предмет уже не вызывает интереса. Другими словами, они уже не так хороши, как прежде. Паола, прекрасно понимая такую опасность, придумала оригинальный способ побороть скуку и монотонность профессии: каждый год она становится «новым» преподавателем. Да, для каждого курса она выбирает новую манеру поведения, начинает иначе одеваться и говорить и не выходит из роли, пока студенты не сдадут экзамены. Однажды она разыгрывала противную старую деву, в другой раз строила из себя спортсменку, потом изображала гиперактивную юморную девчонку и, наконец, злобную и капризную тетку. Студенты, видя, как она меняется из года в год, с ума от нее сходят. Преподавательница-актриса стала их кумиром, хотя и могла поставить на зачете не слишком хорошую оценку. Декан факультета завидует популярности Паолы у студентов и потому недолюбливает ее. Но Паола невозмутимо продолжает свою актерскую деятельность вот уже пятнадцать лет и добилась результатов, о которых мечтает любой актер: неизменного внимания и верного признания со

стороны партера (в данном случае партер – около сотни студентов). Я хохотал, когда она приходила домой в образе сексуальной учительницы из фильмов 70-х годов или фройляйн Роттермайер. Я же сказал – гений, да и только. Если бы не любовь к студентам и предмету, она бы стала отличной актрисой. Страсть к преподаванию объединяет нас, хотя я могу научить только контрманеврам да брассу.

Паола – удивительная женщина, что отнюдь не помешало мне изменить ей всего несколько месяцев тому назад. Понимаю, вы уже были готовы проникнуться ко мне симпатией, а тут такое разочарование. Что я могу сказать в свое оправдание? Разве что показать фотографию той цыпочки, которая стала виной моего падения. Нет, боюсь, это только ухудшит дело. В общем, ребята, бессмысленно ходить вокруг да около: после одиннадцати лет совместной жизни я попал в банальную ловушку и изменил жене. Жаль, что так вышло, хотя есть кое-какие смягчающие обстоятельства. Но обо всем по порядку. Мы говорили о персонажах.

Лоренцо и Ева. Мои дети.

Волосы Лоренцо вечно торчат в разные стороны. Он ходит в третий класс, где его считают самым тупым. Учительница не знает, что с ним делать, и повторяет мне раз за разом классическую присказку: «На самом деле он может, но не старается». А кроме того, мой первенец еще и сорванец. Паола говорит, что это я виноват – вечно меня не бывает дома, то я в спортзале, то в бассейне. Я с ней соглашаюсь. Но правда заключается вот в чем: у юного Лоренцо совсем другие интересы. Ему нет ни малейшего дела до египтян и того, как они удобряли свою пустыню илом из Нила. Он знать не хочет, куда подевались вавилоняне и ассирийцы, – все время он посвящает своим любимым занятиям. У него их два: игра на фортепиано и разборка дорогих электроприборов. Два невероятно творческих занятия. Подчас довольно проблемных для окружающих.

Фортепиано принадлежало моим бабушке и дедушке, никто никогда на нем не играл, и они, разумеется, тоже. Возможно, оно досталось им по наследству невесть от кого.

Мы живем на окраине, от центра до нашего дома – целая вечность. Однажды в доме, где проживают две мирные семьи, послышались неуверенные звуки, отдаленно напоминающие аккорды. Звуки шли из подвала. Это Лоренцо решил попытать счастья и стать доморощенным пианистом. Сейчас он уже может воспроизвести на слух любую мелодию, доносящуюся из радио. Не стану утверждать, что в моей гостиной проживает сам Вольфганг Амадей Моцарт, но кое-какие надежды мальчик подает.

А вот его второе увлечение всерьез меня беспокоит. Едва научившись держать что-то в руках, Лоренцо принялся разбирать и производить вивисекцию, как заправский патологоанатом. Но свои вскрытия он обычно проделывает над теми предметами, которые еще можно прекрасно использовать. Он разбирает телевизор, посудомоечную машину, мотор моего автомобиля, ленту в столовой, по которой едут детские завтраки, – словом, все, начиная с миксера и кончая ближайшим к дому светофором. Ему действительно нравятся как механика, так и электроника. И вроде бы это полезное и поучительное увлечение, но основная беда как раз в том, что разобрать-то он разбирает, но не более того. Где бы он ни появился – после него остается ужасный бардак и полный хаос, а любой предмет становится деталями мебели ИКЕА, только вот инструкция не прилагается. Одним словом, очевидно, что времени на учебу не остается. Моя жена, как хороший и усердный педагог, очень обеспокоена. А я не очень. Гораздо больше меня тревожит (и очень огорчает), что Лоренцо до сих пор не умеет плавать – он до смерти боится воды. Его способность держаться на плаву не лучше, чем у затонувшего «Титаника». Едва он оказывается в воде, как тут же, без помощи со стороны айсберга, идет ко дну. Вот беда.

Веснушчатая Ева ходит в первый класс. Учителя ее обожают. Когда она вырастет, то запишется в «Гринпис». Она заставила нас взять кучу животных, и теперь мы радостно делим пространство с хромым и косолапым волкодавом (мы зовем его просто Волк), невоздержанным и кусачим белым хомячком (Аличе) и тремя ленивыми и совершенно бесполезными котами, подобранными на улице, которых, разумеется, зовут в точности так, как в диснеевском мультике: Мари, Берлиоз и Тулуз.

Ева – просто настоящий кладезь всевозможных слов. Она ни на секунду не умолкает. Перед тем как перейти к сути вопроса, она напичкает свою речь таким количеством «как» и «почему» и описанием подробностей и обстоятельств, что даже адвокат Перри Мейсон, персонаж известного детектива, не сможет составить ей конкуренцию. Столько пыли вокруг основной мысли не сможет пустить даже он. Уверен, что когда Ева вырастет, она станет политиком или телеведущей, что, в принципе, одно и то же. Ее любовь к природе проявляется во всем: она заставляет нас сортировать мусор настолько тщательно, что в итоге получается гербарий, в котором представлены всевозможные материалы, формы, запахи и цвета. Ева – чудесная, красивая девочка, но не умеет этим пользоваться. Она подключает свою неподражаемую улыбку и восхитительные голубые глаза цвета августовского неба только для того, чтобы убедить ближнего способствовать ее гражданским порывам. Вместо «чао» она обычно говорит «мяу», что дает ей право утверждать, что в прошлой жизни она была кошкой.

Иногда она все-таки вспоминает, что ей всего шесть с половиной, и залезает на меня, пока я лежу на диване, и ластится и смотрит мультфильмы. В такие моменты время замедляется и, наконец, останавливается совсем. Говорят, что никого на свете не любишь так, как собственного ребенка. Ради детей сворачивают горы, о них пишут песни. И это правда. Когда Ева бежит мне навстречу или залезает к нам под одеяло, потому что за окном гремит гром, мое сердце поет, морщины разглаживаются, и я снова чувствую себя, как двадцатилетний мальчишка.

Это лучшее лекарство на свете.

Еву обожает еще один герой этой истории. Самый внушительный герой. Мой тесть Оскар.

Несложно представить, как выглядит Оскар: он безумно похож на Альдо Фабрици[3] – те же округлые формы, та же походка, он точно так же ворчит и бормочет себе под нос. Его жизнь поделена на две половины: до и после несчастного случая. Лет десять назад его тишайшую и милейшую на свете жену, Витторию, сбил какой-то придурок. Она как раз вывела пописать вечно голодного домашнего любимца, лабрадора Джанлуку.

Оскар не может простить себе, что не отправился в тот вечер на прогулку сам: застрял перед телевизором, смотря футбольный матч, и, между прочим, Италия тогда проиграла Дании со счетом 2:0. Он часто об этом вспоминает.

С тех пор мой тесть сильно изменился. Первые несколько месяцев он сильно переживал, а затем стал более общительным, начал читать романы и превратился из обычного пекаря в настоящего философа, политика и проповедника. Каждый вечер он обращается к своим покупателям, точно кандидат в депутаты, выступающий с кафедры:

– Друзья мои! Я расскажу вам, как наладить нашу жизнь! Я понимаю, как поднять Италию с колен, лучше всяких политиков. Только дайте мне точку опоры, и я вам покажу. Пункт первый: упорядочим государственные счета. Все проще простого: захватим Сан-Марино и Ватикан. Это будет бескровное вторжение. Все равно у одних только-то и есть, что четыре солдата с гигантскими перьями на головах, а другие только и могут, что собирать марки. Вторжение займет всего пару минут: освободим собратьев и нацепим на купол Свя-

[3] Альдо Фабрици – известный итальянский актер.

того Петра итальянский флаг. Папе отведем роль представителя, придумаем для него какое-нибудь бесполезное министерство, вроде Министерства по религиозным делам. А сами конфискуем все Божье добро, что лежит в Ватикане. Немного поделимся со странами третьего мира – так мы станем популярней, – а остальное пополнит финансы нашей страны. То же провернем и в Сан-Марино. Оформим его в собственность и сбагрим китайцам. Собор Святого Петра выставим на аукцион и посмотрим, кто больше предложит. Представляете, сколько бабок заработаем? Но самое главное, чтобы Италия потом опять не села в лужу. Купим железные ошейники и будем их надевать на всех, кто не платит налоги. Так, глядишь, все и наладится. Потом перейдем к переустройству Рима. Непростой городишко, что и говорить. Сначала придется с пробками разобраться. Но и тут есть отличное решение – можно же Тибр заасфальтировать! И почему до сих пор никто до этого не додумался? Ведь это так просто! Сделаем хорошую дорогу да пустим вокруг Тибрского острова окружную, и все дела!

Посетители булочной хохотали. И уходили прочь, не обращая внимания на то, что милый Оскар, чистокровный и типичнейший итальянец, забыл пробить им чек.

Я постоянно с ним спорю. Хотя, когда речь заходит о смысле жизни и тесть начинает высказывать свои предположения, меня это так веселит, что я готов признать его своим гуру. Я совершенно уверен, что когда-нибудь его афоризмы войдут в школьные хрестоматии и студенты возненавидят Оскара так же рьяно, как и его коллег Платона и Сократа.

Его конек – жизнь после смерти. Оскар склоняется к мысли о том, что реальность, которая перед нами, – не более чем очередной круг карусели, на которой суждено прокатиться каждому из нас и которую принято называть «адом и раем». Кто в прошлой жизни вел себя хорошо – тот рождается в обеспеченной семье, здоровым, симпатичным и умным. Ну, а тот, кто вел себя плохо, приходит в этот мир уродливым, туповатым или больным, живет всю жизнь бедняком или заболевает и умирает, не дожив до старости. По теории Оскара, таким образом в мире все устроено справедливо: кому повезло, тот, значит, заслужил, а кому не повезло – сам виноват. По-моему, эту идею он заимствовал у традиционного детского праздника: хорошие дети получают от Бефаны конфеты и шоколадки, плохие – уголь, ни больше ни меньше. Я безумно веселюсь и стараюсь продлить разговор, слегка поддразнивая Оскара:

– То есть можно расслабиться и ничего не делать? Все уже предрешено?

Оскар качает головой, берет прихватку и достает из духовки пончики. Ему нечего ответить, он заставляет тебя сомневаться, ставит проблему, но ответов никогда не дает. Философ, что с него взять.

– Дорогой Лучио, смысл нашей жизни сводится к тому, чтобы откусить пончик, пока он еще горячий.

Я улыбаюсь и отправляю в рот пончик. Он прав, тут не поспоришь.

Маленькое отступление

Как вы уже догадались, я одержим всевозможными изобретениями, и поэтому прежде, чем перейти к описанию героев, я просто обязан раскрыть одну из важнейших тайн истории человечества, а именно: кто изобрел жареный пончик?

Неужели итальянец? Возможно, вездесущий Леонардо да Винчи? А вот и не угадали.

Леонардо и правда изобрел нечто весьма похожее по форме – спасательный круг. Но поскольку изобрести пластик он не успел, то круг и надувные рукавчики существовали только в его воображении.

История пончика сложна и противоречива. Известно, что в Нью-Йорк (в те времена он назывался Новый Амстердам) пончик прибыл из Голландии под именем «оликекс», что переводится как «масляная булка». Звучит не слишком аппетитно! Голландские булочки готовили из теста, замешанного с яблоками, сливами или изюмом. По легенде, как-то раз корова случайно опрокинула кастрюлю с горячим маслом и оно вылилось в тесто, приготовленное для булочек. Так и появился на свет жареный пончик.

За проявление творческой инициативы корова заслуживает памятника.

Отлично… но как насчет дырки?

В 1847 году некая Элизабет Грегори, мать молодого Хэнсона Грегори, капитана корабля «Новая Англия», изменила рецепт голландских булочек, добавив в тесто мускатный орех, корицу и лимонную цедру. Поскольку центральная часть всегда плохо пропекалась, она положила туда орехи.

В новой версии булочки оказались настолько вкусными, что, когда сыну пришла пора отправляться в долгое плавание, Элизабет напекла их на всю команду. Вместе с орехами появилось и другое название: с тех пор булочки называли «ореховыми», по-английски «dough-nuts». Они же наши любимые донаты.

Но вернемся к самому главному – дырке.

Похоже на то, что изобретению дырки в середине булочки, а вместе с ней и хорошо знакомой форме сегодняшнего пончика, мы обязаны как раз сыну Элизабет.

Рассказывают, что, хотя мама капитана не скупилась на орехи, Хэнсон их терпеть не мог и перед тем, как откусить булочку, выковыривал из середины все орехи, так что получалась дырка. Корабельному коку было приказано готовить булочки именно так: с дыркой посередине, которую он вырезал жестяной баночкой из-под перца.

Разумеется, такое изобретение не могло остаться незамеченным. В городке Клэм Ков, штат Мэн, есть памятная табличка в честь капитана Хэнсона Грегори, «изобретателя дырки в пончике», а в 1934 году на Всемирной выставке в Чикаго пончик провозгласили «невероятным прорывом в сфере пищевой промышленности XX века».

Как бы то ни было, факт остается фактом: всемирная слава пончика началась именно с появлением дырки.

Само собой, мы, итальянцы, и в особенности мой тесть Оскар, не можем примириться с подобной версией изобретения пончика. Как так? Пончики, или, как их называют в Неаполе, «граффе», изобрели не мы? Да быть не может!

Друзья мои, мне ужасно жаль, но и гениальная идея изобретения «граффе» тоже не наша. Эта заслуга по праву принадлежит румяной австрийской пирожнице Веронике Крапф, благодаря которой кулинарный шедевр и приобрел второе название – «крапфен». Вскоре классическая версия пополнилась многочисленными аппетитными вариациями: с кремом, с шоколадом, с мармеладом – ну и, разумеется, с дыркой посередине.

Конечно, эти две версии происхождения пончика противоречат друг другу, но такое нередко случается: вспомните хотя бы историю изобретения телефона.

Впрочем, какая из версий единственно верная, мы никогда не узнаем. А потому, прежде чем вы отправитесь на кухню, чтобы перекусить после такого аппетитного рассказа о пончиках, давайте вернемся к тому, с чего начали. Итак, персонажи.

Мои друзья

Мои лучшие друзья, Умберто и Коррадо, вполне разделяют мою страсть к пончикам. Мы познакомились еще в школе и с тех пор дружим, хотя Умберто и остался на второй год в одном из старших классов. Мы неразлучны: даже в отпуск вместе ездим и со скаутами выезжаем. Три мушкетера северного округа города Рима. Я полноват и потому выступаю Портосом, Умберто у нас в роли Атоса, а Коррадо, как охотник до женщин, изображает из себя Арамиса. Один за всех, и все за одного. Я знаю о мушкетерах абсолютно все: жизнь, смерть, разные там секреты, чудесные события – словом, все. Мы хохотали, дрались, ссорились из-за девушек, занимали друг у друга денег, обижались. В общем, пережили все, что переживают близкие друзья. И вот, двадцать лет спустя, прямо как заправские мушкетеры, мы все еще вместе.

Помимо того, что Умберто охоч глотать обручальные кольца, он еще и ветеринар. Сейчас он один, отношения с женщинами не складываются – никто не протянул больше года. И это очень странно, потому что из Умберто вышел бы отличный муж. Он всегда весел, умеет пошутить над собой, не слишком красив, но приятен и крепок, правда, бывает грубоват и слишком уж импульсивен. Но есть у него еще один существенный недостаток (если не считать римского акцента) – он слишком уж пунктуален. А в нашей столице это серьезный недостаток. Представьте себе дурака, который припрется на встречу, назначенную на час, ровно без пяти час? Да еще в ресторан. Такой купит билеты на всех и будет торчать у входа в кинотеатр, нервно шагая взад-вперед. Или еще лучше: ты пригласишь его на ужин, а он позвонит в дверь минута в минуту, пока ты в халате и в тапочках бродишь из комнаты в комнату.

Частенько Умберто бывает некстати, поскольку бо2льшая часть римлян отстает от графика примерно на полчаса. Я регулярно опаздываю, и Умберто постоянно тычет этим мне в нос. Он заявляет, что потерял год жизни, дожидаясь меня то там то сям. Вся его жизнь пронизана ожиданием, но он уже привык и пытается чем-то заполнить эти черные дыры. И тут приходит на помощь древнее, но проверенное средство: книга. Он постоянно таскает с собой разные комиксы, которые, как он подсчитал, как раз можно прочесть за те минуты, на которые я обычно опаздываю.

Умберто частенько проводит у нас вечера. Моя жена и дочь его ценят. Для Паолы он вроде брата, которого у нее никогда не было, она поверяет ему свои горести и подкармливает, под грохот сковородок и противней, баклажанами, запеченными в пармезане, или тирамису-убийцами. Малышка Ева зовет его дядей и болтает с ним о своей любви к природе. Нет смысла упоминать, что на нашей семейной ферме он выполняет и работу ветеринара. Иногда мы устраиваем ему нежданные встречи в темной гостиной с коллегами Паолы, но результатов пока не видать. Его женщина еще не показалась на горизонте.

Коррадо, как я уже упоминал, работает пилотом в компании «Алиталия». Он – просто воплощение идеального пилота: высокий, красивый, аккуратно подстриженная бородка, весь из себя джентльмен, ровные и блестящие белые зубы, красивое тело – одним словом, мечта любой стюардессы. Он уже дважды развелся, но наследников не завел. У него есть одна отличительная особенность: он умудряется зажечь сердце каждой встреченной женщины, но все это неизменно заканчивается еще одной несчастной возлюбленной, загнанной в глубокую депрессию. Он ненавидит женщин, его послушать, так это все из-за скандальных разводов. Он не сохранил о бывших супругах добрых воспоминаний и зовет их «спиногрызами», потому как вынужден содержать обеих.

Его любимое занятие – развлекаться и отдыхать. Он мог бы стать одним из персонажей фильма Джерми и Моничелли «Мои друзья»[4], которые постоянно подкалывали кого ни попадя в холодной Флоренции семидесятых. Коррадо еще со времен лицея любит статистику. Мы сидели за одной партой, но я в среднем получал шестерку, а он восемь или девять из десяти. Он говорил, что все дело в статистике. Учить он никогда ничего не учил, но умудрялся с точностью Нострадамуса предсказать день, когда его спросят и даже угадать конкретный вопрос. У него была отличная память: он обрабатывал данные, подводил итоги и неизбежно попадал в цель. Свои методы он применяет повсюду, в том числе и в отношениях с женщинами, которые, как вы уже поняли, являются его ахиллесовой пятой. Он еще хуже персонажа Генри Уилкнера, известного как Фонци[5]. К девушкам Коррадо подкатывает весьма своеобразно: оказавшись на чьем-нибудь дне рождения, он быстро оглядывает всех присутствующих дам, выбирает самую красивую и направляется к ней. Приняв наисерьезнейший вид, он спрашивает:

– Хотите переспать со мной сегодня ночью?

Никаких тебе ухаживаний, сразу к сути дела.

Почти всегда ему отвечают:

– Ты что, спятил?

Так он переходит к следующей, и к следующей, и, согласно статистике, добравшись до десятой или пятнадцатой по красоте, наконец, добивается заветного: «Почему бы и нет?».

Двое голубкой летят в первую же попавшуюся кровать, а я провожаю их печальным взглядом. Статистика, что поделаешь. Коррадо подсчитал, что на сто девушек как минимум тридцать с ним уже переспали. Чтобы добиться цели, он начинал с самой красивой и под конец довольствовался той, что попадется в расставленные сети. Впрочем, девушка все равно обычно симпатичная, до дурнушек дело пока не доходило. И все это много лет происходило у меня под носом, пока я отчаянно увивался за недоступной красоткой и получал самую мелкую карту после часов бесполезной болтовни, пытаясь показаться интересным и сексуальным.

Наконец, Коррадо – самый пылкий человек, которого можно себе представить, и отличный друг. Но я напоминаю читательницам, что от него лучше держаться подальше. Узнать его нетрудно: он вылитый Арамис.

[4] «Мои друзья» – фильм 1975 года, яркий образец так называемой «комедии по-итальянски».

[5] Фонци – персонаж английского комедийного сериала «Счастливые дни» (1974–1984).

Почти добрались до сути

Теперь у вас есть почти все необходимые ингредиенты, чтобы вкусить мою печальную историю и присутствовать при нашей встрече с дружищем Фрицем. Еще немного подробностей – и мы у цели.

До недавнего времени все мои дни были похожи как две капли воды. Я выходил из квартиры на Сан-Лоренцо примерно в семь сорок пять, сажал в машину домочадцев и развозил по школам, сначала жену, потом детей, а затем парковался на набережной в десяти минутах ходьбы от спортзала, потому что в районе моей работы пешеходная зона. Небольшая прогулка действовала не хуже чашечки кофе. Почти каждое утро я шел по району Трастевере и проходил мимо булочной Оскара, который выходил мне навстречу. Мы обменивались парой фраз на тему политики и погоды, и любимый тесть протягивал мне горячий ароматный пончик. Я никогда не просил его, но всегда знал, что когда я подойду, пончик уже будет ждать меня.

Я сидел за столиком, выставленным на тротуаре у входа в булочную, с сахарным пончиком в руке. Нелепо раскрашенный деревянный стол, который словно выставили сюда в пятидесятых, да так и не убрали. Это лучшие пять минут моего дня. Губы, измазанные в сахарной пудре, которая вот-вот будет слизана, упругость золотистой корочки, длящаяся долю секунды перед тем, как поддаться и позволить зубам жадно вонзиться в теплую мякоть, спешащие незнакомые люди, на которых я смотрю, как на актеров на сцене. И я не одинок. Еще через секунду неугомонный воробей планирует с неба на столик и собирает рассыпанные крошки. Тот самый, что был и вчера, мы давно знакомы. Еще не успели подружиться, но все к тому идет. Пока мы – добрые приятели. Я отламываю для него кусочек пончика, и пару раз он даже бесстрашно клевал его из моих рук. Воробей всегда молчит. Он уважает мою молчаливую сосредоточенность на кусочке пончика, скользящего в желудок. Он залетает на минутку, перекусить, а потом быстро смотрит на меня, точно хочет сказать: «Жаль, дружок, что ты не умеешь летать, ну, я полетел», – и взлетает ввысь, делая в воздухе два изящных пируэта. Его полет – как звонок будильника: начинается новый день.

«Время пончика» – наш секрет, о нем знаем только мы трое: я, Оскар и воробей. Паола придерживается строгой здоровой диеты, и я никогда не рассказывал ей об этом. Она бы не простила.

За десять лет мы пережили взлеты и падения, а несколько месяцев назад я коснулся самого дна из-за события, о котором я уже упомянул. Его можно было бы обозначить единственным упадническим словом: предательство. Я закрутил короткий роман с новой клиенткой спортзала, синьорой Морони. Коротенький роман. Коротенечкий. Мы виделись всего пару раз. Не больше пяти раз уж точно. Ну, максимум десять. Ну ладно, двенадцать раз. Но только секс, ничего больше. Для мужчин это большая разница. Надеюсь, это может выступить смягчающим обстоятельством.

Если читательницы еще не захлопнули эти книгу и не выбросили ее в ведро, попробую объясниться. Итак.

Синьора Морони.

Тридцать шесть лет, немного младше меня. Мне – сорок.

Размеры – идеал пятидесятых: 92-60-88 (я прочел это в ее анкете и хорошенько запомнил).

Лицо – как у мадонны Рафаэля, ну, губы немного подкачали – что ж теперь.

Белоснежная кожа с легкими брызгами веснушек.

Остроумна.

Давно замужем за музыкантом, который очень много гастролирует.

Когда она остановила свой выбор на мне, я сразу подумал: «Йес!»

Прекрасные женщины, чьи мужья вечно в разъездах, не должны свободно перемещаться по спортзалам, где работают бедные тренеры, женатые уже десять лет, и которым позволяется заниматься любовью не чаще двух раз в месяц. Хорошо бы запретить это законодательным путем. Купите себе тренажеры и крутите себе педали в гостиной, окей?

Поначалу я вел себя очень профессионально. Скажем, достаточно профессионально. На первых занятиях я разве что случайно коснулся ее бедра и немного пощупал мускулатуру: понятно, старо как мир, именно так вы сейчас и подумали. Как-то раз мы задержались в спортзале дольше обычного, все ушли, и мы остались одни. Я сказал девушке на кассе, что сам все закрою после того, как мы закончим разрабатывать упражнения для синьоры Морони. Если заглянуть в словарь, то мы действительно увидим такое определение: «Упражнение – это действие или серия действий, направленных на то, чтобы держать себя в физическом и умственном тонусе, стремясь в совершенстве овладеть дисциплиной».

Тем самым вечером мы выполнили целую серию упражнений, стремясь к совершенству в древнейшей науке на свете.

И продолжали упражняться несколько месяцев. Несколько месяцев бесконечного стресса и страха оставить следы. Обычно мы упражнялись у нее, когда муж-музыкант уезжал на гастроли, но несколько раз усердно занимались и в спортзале.

У меня этого не случилось ни разу. Я бы не посмел. Но это, я знаю, нисколько меня не оправдывает.

Самое ужасное, что Паола все узнала. Длинным февральским вечером у нее зародились сомнения. Я забыл на столе мобильник. Понимаю, глупое поведение, типичное для новичка. Но я ведь и был новичком. Пока мы наслаждались вкуснейшей курицей с рисом и соусом карри, телефон запищал. На экране появилась надпись: «Доктор Морони». Новичок, но ведь умно?

– Ты не ответишь? – спросила Паола.

– Нет, это ведь Морони, врач из спортзала. Скучнейший тип, только время зря терять, – сочинял я на ходу.

– Хочешь, я сама отвечу, скажу, что тебя нет дома?

– Не надо, милая, спасибо. Завтра сам ему перезвоню. Очень вкусно.

Я прокололся?

Выглядел неестественно?

Она стала что-то подозревать?

Не знаю.

Только через сорок восемь часов я понял, что ответы на эти вопросы выглядят так: нет – нет – да. И только-то. И что с тех самых пор моя жена превратилась в лейтенанта Коломбо, потому что когда она в чем-то сомневается, то не ослабит хватку до тех пор, пока не доищется до правды и не пригвоздит жертву к позорному столбу.

Вечер прошел тихо и мирно, и я расслабился. Мы посмотрели мультик «Красавица и чудовище», я поставил телефон на авиарежим. Никаких больше звонков. Ночью я не мог заснуть, пошел в туалет и удалил все компрометирующие сообщения воображаемого «доктора Морони».

Наутро я позвонил синьоре Морони и выяснил причину неуместного звонка: она надеялась на встречу после ужина, поскольку ее муж снова неожиданно уехал. Я еще раз напомнил ей, что женат и что мой брак, должно быть, счастливее, чем ее, и что я хочу порвать с ней, поскольку такие отношения ни к чему хорошему не приведут. В тот же вечер, незадолго до конца смены, прекрасная изменница явилась в спортзал в великолепном обтягивающем костюме, и кончилось тем, что мы упражнялись несколько раз подряд под душем в инструк-

торской. Я показал себя просто железным человеком. Скоро вы поймете, каким же я был идиотом.

На следующий день Морони пишет мне смс, из которого следует, что никакого разговора вроде и не было.

«Когда увидимся? Мне так тебя не хватает. Я не могу без тебя».

В растерянности я отвечаю, не придавая значения этому факту, и невольно попадаю в ловушку. Переписка и флирт продолжаются целый день. Забавные, провоцирующие и, главное, совершенно однозначные смски. Когда я возвращаюсь домой, Паола уже ждет меня в гостиной, точно Цербер, готовый порвать всякого, кто войдет в квартиру. Как только я вижу ее лицо, я все понимаю. На нем как будто написано: «Ты – полное дерьмо».

Я недооценил свою жену. После подозрительного вечернего звонка загадочного доктора Морони Паола позвонила в спортзал и тут же узнала от секретарши, что никакой доктор Морони у нас не работает, но есть клиентка Изабелла Морони, и именно я являюсь ее личным тренером. Смотрим фейсбук и выясняем, что Изабелла – очень красивая, если не сказать – вызывающе красивая женщина. Понятно, можно было записать ее в телефоне под вымышленной фамилией, но поздняк метаться, я и так уже думал, что превзошел сам себя. И что же сделала умнейшая женщина, на которой я был женат? Она взяла мой телефон, удалила номер пресловутой Морони и заменила его на свой. Теперь, получая смс от «доктора Морони», на самом деле я получал их от собственной жены, но отвечал, ничего не подозревая, погружаясь все глубже и глубже в бурное море лжи. Пока она посвящает меня в подробности своего расследования (лейтенанту Коломбо тоже такое нравилось), я судорожно пытаюсь вспомнить все смски, которые я посылал минувшим днем. Внезапно на меня нисходит озарение, и я пытаюсь защищаться: «Морони – одна клиентка, которая до смерти в меня втюрилась, и я пытался дать ей отпор, но так, чтобы не ранить бедную женщину. Я просто не хотел тебя беспокоить по пустякам».

Моя никчемная речь не продержалась на плаву и десяти секунд, и вот тогда, в порыве нелепого героизма, уличенный в предательстве, я решился воззвать к милосердию присяжных и поведал суду о своих преступлениях.

Еще один чудовищный промах.

Судья была готова четвертовать меня на месте.

Одним словом, трагедия, да и только. Наш брак стремительно шел ко дну, друзья и родственники пристально следили за катастрофой, в особенности Умберто и Коррадо, попавшие под подозрение в сообщничестве. На самом деле Коррадо был в курсе всех моих приключений, включая интимные подробности, а вот Умберто, поскольку считался близким другом Паолы, в данном случае оказался не у дел. Я ограничился разговором о поцелуе с клиенткой и заявил, что обрубил на корню опасную связь, грозившую перерасти в семейную катастрофу. Больше всего мне досталось от тестя, который в присутствии дочери утроил мне головомойку, точно в древние времена, расписывая значение попранных семейных ценностей и призывая Бога в свидетели оскорбленной чести. Он не дал мне произнести ни слова и выразил горячее участие, когда Паола выставила меня за дверь.

Так я оказался на диване в гостиной Коррадо. Лучше об этом не вспоминать. Его маленькая квартирка вечно захламлена всякой дрянью, остатками еды и грязными шмотками. Поле после рок-фестиваля и то чище.

Наутро я направляюсь в сторону булочной. Я в сомнениях: так хочется войти и объясниться, но смелости не хватает, и я отступаю. Мне вслед несется властный и громкий окрик, и первые слова говорят обо всем яснее ясного:

– Сволочь! Подонок!

Я оборачиваюсь. Оскар стоит передо мной. Римская натура проступила в нем во всей красе.

– Это ошибка, не больше. Я знаю, что… – пытаюсь я оправдаться, но договорить мне не дают.

– Я всегда говорил своей дочери, что ты придурок.

Его настрой мне ясен как никогда.

– Да, на самом-то деле…

– Только придурок может в таком признаться! – уточняет тесть. – Признаваться нельзя ни под каким видом. В браке это правило номер один, все остальное не в счет, но это должно соблюдаться. Имей ты хоть три любовницы, ничего, можешь забыть о дне рождения, о дате свадьбы – такое прощается. Но признаваться в измене нельзя ни за что. Хорошо бы священнику ввести в слова обряда и такие, и чтобы под ними расписались в присутствии свидетелей: «Клянусь быть верным, а если что и случится, то жена моя о том не узнает, а если узнает, то буду все отрицать!».

Я-то ждал очередной взбучки, а вместо этого услышал нежданные слова мужской поддержки.

– Лучио, каждый мужчина изменил жене хоть раз в жизни, кто в офисе, кто в подвале, кто еще где.

– И ты? – спрашиваю я.

– И я, само собой. Но не будем вдаваться в подробности. Это очень личное.

И все-таки он не может устоять перед искушением и выкладывает все, как на духу.

– Дело было с моей помощницей, украинкой. Ей было двадцать четыре, мне – сорок пять. Она и по-итальянски-то толком не говорила, но буфера были что надо. Кремы и песочное тесто делала не ахти, но до остального мастерица.

Я улыбаюсь и представляю себе Оскара, который пытается закадрить украинку на своем невозможном английском, пока она выкладывает на противень профитроли и эклеры. А Оскар продолжает меня просвещать:

– То, что мужчина неверен, – не порок, а врожденная особенность, которая заложена в ДНК любого самца человеческой расы с древнейших времен. Это как уши или нос. С этим ничего не поделаешь. Ты как компьютер, запрограммированный на неверность. Только вместо железа – мышцы и кости. Разница только в том, что не все умеют этим пользоваться: кому-то не представился случай, у кого-то нет времени, у кого-то денег. Но только теперь из-за этих ДНК тебе придется поспать на раскладушке. И кто знает, возможно, на ней и останешься.

Я очень ценю эту дружескую поддержку, но осмеливаюсь уточнить, что, хотя Паола и вспылила и выставила меня из дома, о разводе она пока не заговаривала. Пока. Но через два часа она звонит и говорит, что просит меня собрать чемоданы и навсегда исчезнуть из ее жизни. Немного утрированно, но возразить мне нечего. Оружия для борьбы в арсенале нет. Все правильно, я заслужил.

– А как же дети?

– Насчет детей разберемся потом, пока что я сказала им, что у тебя много работы и потому ты ночуешь в спортзале.

Логично. Я все еще надеюсь, что гнев сменится на милость, и поскольку я не миллионер, то думаю, что смогу временно перебраться к Умберто, так как жить у Коррадо, мягко говоря, невозможно. Но скоро выясняется, что мой друг-ветеринар частенько работает дома и таскает в квартиру то собак, то кошек, так что его сорок квадратных метров забиты до отказа. Очевидно, что лишнего места в квартире нет. Ничего не остается, как открыть ноутбук и заняться поисками скромной однозвездочной гостиницы рядом со спортзалом.

Помощь приходит от самого неожиданного друга, который по идее должен стоять по ту сторону баррикад: от Оскара.

Он предлагает мне пожить в комнатушке позади прилавка, пока Паола меня не простит. Чего она совсем не планирует, если быть честным. Разумеется, тесть приютил меня за спиною у Паолы, которая думает, что я поселился в дешевом хостеле в районе Трастевере.

И вот мои вещи свалены в сумке в углу, а я пытаюсь уснуть, пока помощник Оскара, здоровый сенегалец, ставит в печь крендельки, украшает торты и наполняет кремом эклеры. Я просыпаюсь помятый и грязный. Каждый день я собираюсь найти какое-нибудь более подходящее жилье, но поскольку отсюда до работы рукой подать и Оскар заботится обо мне, как родной отец, я остаюсь и продолжаю жить между подносами со слоеными булочками и мешками с мукой высшего сорта. Пару раз в неделю мне разрешается встретиться с детьми, я вижу их два вечера в неделю и в субботу днем, но продолжаю надеяться, что скоро все разрешится.

Как нельзя более подходящий момент для знакомства с моим новым другом по имени Фриц.

Дружище Фриц

На самом деле, первые звоночки раздались еще за год до истории с Морони, но я не придал им значения. Я хорошо помню первый привет дружищи Фрица. Я как раз был в бассейне и отрабатывал с ребятами схемы игры. Водное поло – тяжелая и совершенно мужская игра, и в моем случае задача тренера – достаточно посмотреть на фотографию моей худощавой команды – совершенно невыполнима. Как я уже упоминал, мы крутимся где-то посередине, изредка побеждаем у более слабых команд, собираем урожай голов от более сильных. Мой заслуженный вратарь, Алессио, по прозвищу Мыльница, не может поймать даже случайного мяча, а центральный нападающий, Мартино, наша основная атакующая сила, очень проворен, но страдает косоглазием. Мой помощник, Джакомо, тридцатилетний аутичный парень, помнит наизусть все игры в истории водного поло, но не может помочь поднять степень отдачи нашей несчастной команды. Но все его любят, и в этой нелепой армаде он смотрится как нельзя кстати. И это не метафора, потому что моя команда называется «Армия Бранкалеоне», как фильм Марио Моничелли. Имя – своего рода гарантия.

Когда я впервые почувствовал сильную резь в животе, я находился в воде и пытался научить Мыльницу как-то более осмысленно стоять в воротах, занимая нужную позицию. Я как раз сделал удар по воротам, как вдруг почувствовал острую боль, которая пронзила меня на несколько секунд. Я подумал, что неудачно повернулся и зажал мышцу или заработал мини-грыжу, и забыл об этом на несколько месяцев. Я никогда не болею, так что мне и в голову не пришло, что речь может идти о чем-то серьезном.

Приходилось такое слышать?

Но боли появляются все чаще и чаще, эпизодические перерастают в постоянные, и вот я уже не могу нормально плавать и пичкаю организм болеутоляющими и противовоспалительными, но думаю, что потянул брюшные мышцы или то, что от них осталось. Я говорю Паоле, что мне нехорошо, она настаивает, чтобы я сделал УЗИ брюшной полости, но я говорю, что такие боли бывали у меня не раз, когда я всерьез занимался спортом, и обычно все проходит само – время и отсутствие нагрузок, вот и все лекарства. Конечно, мои отношения с синьорой Морони отсутствием нагрузки не назовешь, но боль еще терпима даже во время таких упражнений. Я часто думаю об УЗИ, делать которое я отказался, и прокручиваю в голове сцены из фильма «Осторожно, двери закрываются».

Что было бы, пойди я и сделай УЗИ?

Прожил бы я на десять, двадцать, тридцать лет дольше?

Или же, сраженный страшной вестью, умер бы тут же, на ступеньках больницы?

Одна дверь закрылась передо мной в тот самый день.

Но я еще ничего не знал.

Постепенно я прихожу к выводу, что дело не в мышцах, а в маленькой и коварной грыже. Простейшая операция – и я снова в строю, но я выжидаю, наивно надеясь однажды проснуться здоровым как бык. Меж тем симптомов все больше: я чаще устаю, меня рвет, лихорадит две недели кряду. Но у меня на все готово логическое объяснение: «у меня стресс», «вчера я плотно поел», «в бассейне было холодно», «37,2 – это еще не температура». Я еще не расслышал звоночки единственного и смертельного врага.

Месяц проходит за месяцем, меж тем, как вы уже знаете, моя семейная жизнь летит под откос и я сплю в задней комнате в булочной тестя. Одним дождливым мартовским вечером я вызываюсь помочь Оскару поставить в печь шоколадные маффины, как вдруг нежданная и сильная боль сгибает меня пополам. Поднос падает на пол, а я кричу как сумасшедший. Оскар и сенегалец несутся ко мне, бледные как полотно, и помогают сесть на стул. Я говорю,

что уже месяцев восемь, как у меня странные боли, и что давным-давно дурацкая грыжа не дает мне покоя. Слишком давно.

– Покажись врачу, – говорит Оскар.

– Спасибо, но, думаю, через пару недель все придет в норму.

– Послушай, это не предложение, это приказ, – отрезает тесть. – Покажись врачу. Точка, никаких вопросительных знаков. Ведь это может быть и язва. Ты знаешь, у меня был клиент, который умер от язвы, так что шутить с этим не стоит. Вчера он стоял у меня перед прилавком, жевал булку с изюмом и разглагольствовал о матче любимой команды, а на следующий день лежал в гробу на кладбище.

Я поражен и подавлен. Оскар, как всегда, выразился ясно и определенно. «Лежал в гробу» холодным душем обрушилось на меня и убедило сходить к врачу. Я уже был уверен, что у меня язва. Но сначала решил проконсультироваться с Умберто. Он хоть и ветеринар, но все-таки врач.

Зал ожидания у его кабинета полон.

Со мною рядом сидят старушка-кошатница с переноской на коленях, в которой возлежит персидский котяра, тринадцатилетний подросток с мамой и хамелеоном, суровый пятидесятилетний очкарик одетый по моде прошлого века с такой же суровой и противной колли, и красивая тридцатилетняя женщина с яркой татуировкой и загадочной корзиной.

Старушка рассматривает меня несколько минут, но не может сдержать любопытства:

– А у вас кто?

– У меня блохи, – отвечаю я с широкой улыбкой.

Она никак не поймет, шучу я или серьезно. Но пересаживается подальше, бормоча на ухо коту что-то о падении нравов и невоспитанности молодежи.

Я захожу последним. Спрашиваю Умберто, что было в корзинке татуированной дивы.

– Питон. Сегодня питоны в моде, – отвечает он как ни в чем не бывало. Потом спрашивает, зачем я пришел. Впервые в жизни я захожу в его кабинет не по личному делу.

Отвечаю, что уже месяцев восемь у меня рези в животе. Врачу я не показывался лет сто, поскольку врач, который мне полагается по страховке, уже лечит мою жену, а я не хотел ее беспокоить. Ведь они подруги, так что моих секретов она держать не станет, даже если к тому ее обязывает профессиональный долг. Я почти что уверен, что у меня язва.

Мой друг укладывает меня на спину и со знанием дела прощупывает живот. Резкая боль отдается там, где он надавил. Я вижу, что он обеспокоен.

– Здесь? – спрашивает Умбрето.

Ответ легко прочесть на моем лице. Именно здесь.

Я одеваюсь, а Умберто говорит, что, с его точки зрения, это не грыжа, не межреберная невралгия и уж тем более не язва.

– Там небольшое вздутие, – говорит он. – Между желудком и печенью, трудно понять после такого поверхностного осмотра, что именно это такое. Возможно, липома, то есть небольшое жировое образование. Тебе нужно срочно сделать УЗИ. С сегодняшней техникой тебе быстро и точно поставят диагноз.

– Да, Паола мне говорила об этом еще несколько месяцев назад.

– И была права, как, впрочем, и всегда.

Он отчитывает меня, как умеют только врачи и учителя. И он прав: мне следовало послушать жену и не дать двери захлопнуться.

– Я бы еще посоветовал сдать кровь. Вот увидишь, все обойдется, – заключает Умберто. – Ты не куришь, почти что не пьешь, спортом занимаешься.

Я понимаю, что он не хочет меня пугать.

Но его улыбка мне совершенно не нравится.

Я пропущу ненужные подробности и сообщу лишь то, что через два дня я получил результаты УЗИ, которое сделал в специализированной клинике. Пока жду врача, я читаю результаты и копаюсь в айфоне, чтобы посмотреть в Википедии, что все это значит. Я ищу два слова, напечатанные после фразы «у пациента обнаружена…» Эти два слова – «гепатоцеллюлярная карцинома».

Википедия, как всегда, приходит на помощь.

«Карцинома» – это злокачественная опухоль.

Опухоль. Злокачественная.

Каждое слово уже неприятно само по себе.

«Гепатоцеллюлярная» означает, что это касается печени.

Печени.

Еще чего не хватало.

Даже новорожденные знают, что хуже опухоли печени ничего не придумаешь.

Двумя строчками ниже обозначены размеры незваного гостя.

Шесть сантиметров.

В моем гостеприимном чреве поселилась гепатоцеллюлярная карцинома длиною шесть сантиметров и семь миллиметров в диаметре.

Это целый картофельный ломтик. И не маленький.

Даже новорожденные знают, что жареная картошка – это вредно.

У меня шестисантиметровая опухоль. Анализ крови тоже показывает наличие опухоли и сигнализирует о том, что у меня в организме поселился чужак. Сомнений нет.

Я не дожидаюсь врача, который с грустным лицом должен сообщить мне ужасную новость. Я ухожу.

У меня шестисантиметровая опухоль.

Я иду куда глаза глядят.

У меня шестисантиметровая опухоль.

Я повторяю вслух, как мантру.

У меня шестисантиметровая опухоль.

Я не могу остановиться.

У меня шестисантиметровая опухоль… У

меня шестисантиметровая опухоль… У меня шестисантиметровая опухоль…

Вдруг я задумываюсь и перестаю подражать герою Джека Николсона из «Сияния». Проблеск сознания вспыхивает в моей голове. Я спрашиваю себя: «Шесть сантиметров – это много или мало?»

А может быть, шесть сантиметров – это начальная стадия и беспокоиться не стоит? Точно, так оно и есть, маленькая и беззащитная новорожденная опухоль. Иллюзия длится долю секунды – время, чтобы погуглить в телефоне. Ответ простой: шесть – это очень много. Не слишком, но много. Онколог, который смотрит мои снимки, тоже думает, что это много. Хорошенькая, крепкая опухоль. Он тут же велит мне сделать КАТ[6] грудной клетки.

Я записываюсь на процедуру, после чего всю ночь роюсь в интернете. Мне снова приходится вернуться к учебе, которую я ненавидел всю жизнь. Но ничего другого делать не хочется. Ни есть, ни спать, ни пить, только стучать по кнопкам слова «опухоль», «печень», «выздоровление» и так далее и тому подобное.

Через несколько часов я знаю про карциному все. Я даже знаю, что первые операции по удалению опухоли провел египетский ученый Имхотеп, отличавшийся самыми разными талантами (своего рода египетский Леонардо да Винчи). Он был способен как спроектировать пирамиду, так и вылечить массу болезней, за что его провозгласили отцом восточной медицины и даже богом. В те времена анестезии, понятное дело, не было, поэтому пациенты Имхотепа умирали прямо на операционном столе или сразу после операции от сильного кровотечения. Дальнейшие четыре тысячи лет истории медицины я благоразумно пропускаю и концентрируюсь на последних инновациях.

Вот что я читаю про себя с экрана компьютера:

«Гепатоцеллюлярная карцинома – наиболее распространенная опухоль печени».

То есть я и здесь ничем не отличился.

«Она развивается в клетках печени и повреждает соседние здоровые клетки».

Ясно.

«Постоянный рост больных клеток может спровоцировать злокачественную опухоль».

Отлично.

«Поначалу этот вид опухоли не доставляет ощутимых неудобств, вследствие чего ее сложно обнаружить на ранней стадии».

Черт побери.

---

[6] Компьютерная аксиальная томография.

«Когда опухоль становится больше, появляются следующие симптомы: боль в желудке, вздутие, потеря веса, тошнота, рвота, повышенная усталость, кожа и белки глаз желтеют».

Все налицо.

«Чаще всего подобная опухоль развивается у мужчин. В зависимости от стадии и вида опухоли следует подбирать соответствующее лечение. Если опухоль на начальной стадии и еще не проросла из печени, рекомендуется трансплантация органа или иное хирургическое вмешательство. Если опухоль достигла значительных размеров, химиотерапия или радиотерапия смогут продлить жизнь индивида, но не более того».

Не более того.

Эта фраза звучит для меня громче «ля» Паваротти. Я замирают перед экраном ноутбука и пялюсь на застывший экран.

Не более того.

Смо-гут про-длить, но не более то-го…

Все яснее ясного.

Со времен Имхотепа не изменилось ровным счетом ничего.

Я умру.

Этот глагол мы знаем с раннего детства. Умру, умрем. Какая знакомая форма. Но я-то умру гораздо раньше, чем думал.

Раньше, чем хотелось бы.

Раньше, чем нужно.

Я умру раньше. И точка.

Я до сих пор ничего не сказал Паоле. Отчасти постыдился, отчасти потому, что она не отвечает на мои звонки, а главным образом потому, что сам еще толком не верю. Не могу и не хочу.

За завтраком рассказываю обо всем двум другим мушкетерам, Умберто и Коррадо. Мы сидим в маленьком баре, в который ходим еще со времен лицея. Там никогда ничего не меняется: меню, обстановка – все то же. Я даже узнаю под стеклом прилавка близняшку булочки Луизоны из рассказа Стефано Бенни – жизнерадостную старушку-бриошь, обосновавшуюся на витрине в далеком 1979 году.

Это нелегкая встреча. Очень нелегкая.

Неплохо было бы издать специальное пособие «Как вести себя за завтраком, если близкий друг сообщает вам, что у него рак печени». Нет тяжелее разговора, чем тот, что следует после подобного признания. Главное – найти верный тон.

НЕУМЕСТНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

– Друзья, у меня рак печени…
– Серьезно? У моего дяди тоже был в прошлом году…
– И как он?
– Умер!

НЕАДЕКВАТНАЯ РЕАКЦИЯ

– Друзья, у меня рак печени…
– Ну, слава богу, я уже думал, чего похуже!
– А что может быть хуже?
– Ну вот хоть… Дай-ка подумать… Если бы тебя парализовало, например.
– Спасибо. Теперь мне гораздо легче.

НЕЛОВКАЯ СИТУАЦИЯ

– Друзья, у меня рак печени…
– О боже! Ты был моим любимым мушкетером!
– Почему был?

НАИГРАННЫЙ ОПТИМИЗМ

– Друзья, у меня рак печени…
– Не переживай, ты сильный, ты справишься!
– А если не справлюсь?
– Даже в голову не бери!

В этот момент кто-то из нас, не сдержавшись, пускает слезу, и все горестно рыдают добрых полчаса.

Я хочу немного снять напряжение и отнестись к своей болезни с юмором. Я принимаю решение окрестить картофелину, что сидит у меня внутри, «дружище Фриц». Итальянцы частенько именуют так неверных друзей, если не хотят называть конкретного имени. С этого момента слово «рак» исчезает из моего лексикона.

Говорю Атосу и Арамису, что днем мне сделают КАТ и я смогу сразу получить результаты. Некоторые с таким диагнозом живут четыре года, а то и все пять. Теперь я знаю все о гепатоцеллюлярной карциноме. Я прямо-таки специалист в этой области.

Друзья сидят как громом пораженные и не могут выдавить ни слова. Да и я не лучше. В конце концов мы идем играть в бильярд, я встаю в пару с четырнадцатилетним сыном бармена. Щекотливой темы мы больше не касаемся. Но тема никуда не делась, она висит над нами, следит за нашей игрой, сверлит мне взглядом спину. Мы побеждаем 6:4, паренек лихо загоняет шары.

Наконец я иду делать долгожданную аксиальную компьютерную томографию. Три сложно произносимых слова, которые означают, что мое тело просветят лучами клетка за клеткой, слой за слоем, точно я – плавленый сырок.

Результат – самое страшное слово на свете после слова «война».

Это практически синоним «смерти».

Метастазы. У меня метастазы в легких.

Я уже прочел, что для рака печени характерны метастазы в легких.

Я – классический случай. Все как в учебнике.

Сколько осталось?

Теперь главный вопрос: сколько?

Сколько мне осталось?

За этим вопросом приходят другие.

Один из них тревожит меня больше всего: как?

Как я умру?

Пойму ли я, что умираю?

Буду ли страдать?

Будет ли у меня агония?

И в эту секунду я понимаю, что «агония», пожалуй, еще хуже, чем «смерть».

Вряд ли я пойму, за что мне этот кошмар, ответа нет, и потому я не задаю себе этот вопрос. По крайней мере, пока.

Сначала надо понять сколько.

Я записываюсь к онкологу, которого уже успел по-детски возненавидеть, словно он проколол мой мячик на пляже. Надо поговорить с Паолой. Мы встречаемся недалеко от школы. Наш разговор происходит под сломанным светофором – Паола припарковалась совсем рядом.

– У меня рак печени и метастазы в легких.

Паола смотрит на меня подозрительно, и я понимаю, что она думает, что я вру. Но все видно по моим глазам, да и в конце концов, актриса номер один у нас она.

– Давно узнал?

– Дней десять назад. Уже сдал все анализы. Это точно не ошибка.

Моя воительница опускает топор войны и принимает решение пойти со мной к онкологу. Нет, это не любовь, она меня не простила. У меня такое чувство, что это какая-то смесь страха и жалости. Но, может быть, мне только так кажется. Она говорит, что я могу вернуться домой. Меня мучают сомнения. Не так я хотел бы воссоединиться с семьей. Паола угадывает мои мысли и напоминает мне, что ничего не забыла. Она просто разрешает мне вернуться домой, поскольку я тяжело болен. Простить она не простила. Настала пора действовать, но сначала нужно понять как.

Паола держит меня за руку, но малоприятный врач не оставляет места надежде. Он смотрит на результаты анализов и компьютерной томографии и заключает:

– Синьор Баттистини, ваша опухоль очень большая, и, к сожалению, мы обнаружили ее слишком поздно. Опухолевые маркеры в вашей крови зашкаливают. Вот, посмотрите сами, тут все написано.

Я чувствую взгляд Паолы, который пронзает меня, точно тысячи кинжалов: «Ну, я же тебе говорила!»

– Компьютерная томография показывает, что у вас множественные и разветвленные метастазы в легких.

Я начинаю нервничать.

– Да, это мне известно… переходите к сути…

– При других обстоятельствах я бы посоветовал попробовать прибегнуть к операции и вырезать опухоль, но в вашем конкретном случае это очень опасно. Как и пересадка печени. Процент выживания после пересадки печени достаточно низок, а лист ожидания огромен, в вашем случае метастазы сильно усугубляют ситуацию. Простите за прямоту, но буду откровенен: вам уже ничего не поможет.

Долгое молчание.

Я оборачиваюсь на Паолу, которая не смеет поднять глаза.

Этот вопрос крутится у меня в голове уже минут десять, и я спрашиваю:

– Сколько? Сколько осталось?

– Сложно вот так сказать, синьор Баттистини…

Колеблется, подлец. Давай, возьми на себя ответственность, черт тебя подери! Ты продырявил мой мячик, давай же, скажи, когда на моем поле погаснут огни.

– Так сколько?

– Надо бы посмотреть вашу…

– Я спрашиваю – сколько?!

– Месяцев пять, возможно, четыре, – и уточняет: – все зависит от того, насколько силен ваш организм. И от лечения, которое вы выберете.

Долгое молчание.

– Но на практике бывают разные случаи, – говорит он. – Некоторые умудряются прожить даже пять лет.

– И сколько таких?

– Ну, скажем… Один на тысячу.

Один на тысячу. Прекрасный процент, очень утешительный прогноз.

Тогда я задаю следующий вопрос.

– И сколько я смогу чувствовать себя более-менее здоровым?

– Что вы имеете в виду? Вы уже больны, и тяжело.

– Это понятно. Но сколько времени я смогу вести нормальную жизнь?

– И в этом случае точно сказать не могу, все зависит…

– Приблизительно – сколько? – прессую я.

– Месяца три, чуть больше. Потом обезболивающие уже не будут действовать так хорошо, и вы перейдете к финальной стадии.

Примерно три месяца жизни, чуть больше. Нормальной жизни, если быть точным. Более-менее нормальной.

– Сто дней, – бормочу я.

– Что вы сказали?

– Мне осталось жить сто дней.

– Я же сказал, возможно, больше, если вы…

Но я его не слушаю. Сто. Эта цифра крутится в моей голове.

Тут вмешивается Паола.

– Что можно сделать, чтобы как-то продлить этот срок? Все что угодно.

– Химиотерапия, синьора. Это хорошая подмога. Она замедляет разрастание пораженных клеток. Но она, – говорит он мне, – вызывает многочисленные побочные эффекты, которые сделают повседневную жизнь довольно непростой.

Я возвращаюсь в реальность.

– Что за побочные эффекты?

Мне прекрасно известно, что от химии выпадают волосы, тебя постоянно тошнит, рвет, что ты вечно усталый. Кто этого не знает? Я видел не один фильм на эту тему. Кто из знакомых не наблюдал медленное угасание дедушки или дяди? Но когда это касается тебя, это страшно.

– Проблема в том, синьор Баттистини, что химия – глупая штука, она убивает как больные, так и здоровые клетки. Это своего рода яд, который мы закачиваем в тело, чтобы уничтожить врага, но по мере его воздействия в организме происходит настоящая катастрофа. Побочных эффектов много, гораздо больше, чем вы можете себе представить. Малокровие, проблемы с пищеварением, потеря аппетита и вкуса, температура, кашель, больное горло, мигрени, боль в мышцах, нервное напряжение, потеря слуха, утрата интереса к половой жизни и потеря способности к размножению.

И это все?

Если ничего не делать, я умру, и мои последние дни скрасят обезболивающие препараты. Если же я начну лечиться самым распространенным и эффективным методом, я все равно умру, возможно, чуть позже, но тем временем стану другим. Я уже не буду Лучио Баттистини, я превращусь в тень, в жалкое подобие себя. Я стану пленником телеэкрана, буду лежать на диване и щелкать кнопками, перескакивая с канала на канал.

Онколог спрашивает, готов ли я приступить к первому курсу химиотерапии. Я молчу. Я просто не знаю.

На выходе из больницы я крепко обнимаю Паолу и направляюсь в булочную, чтобы забрать свои жалкие пожитки. Чуть позже я возвращаюсь домой и ужинаю с женой и детьми.

Лоренцо и Ева.

При их именах у меня на глаза наворачиваются слезы.

Я пытаюсь ни о чем не думать. Подумаю потом.

Тесть внимательно слушает, когда я сообщаю ему о результатах похода к врачу. И подытоживаю: у меня осталось сто дней. Может быть, сто один, или девяносто девять. А потом настанет та самая «финальная стадия», о которой я даже думать не хочу.

Оскар задает мне пугающий, но законный вопрос.

– И как ты собираешься их провести?

У меня пока нет ответа.

Сто дней.

Если не работать, то это просто шикарно.

Немногие могут себе позволить такой длинный отпуск.

Жаль только, что я не в отпуске…

Сто дней.

Кто бы мог подумать.

О таком обычно никто не думает.

Что бы вы сделали, если бы вам осталось жить сто дней?

Пауза.

Повторяю вопрос.

Что бы вы сделали, если бы вам осталось жить сто дней?

Давайте помогу.

Ходили бы вы на работу или в университет?

Занимались бы вы любовью с любимым человеком по сто раз на дню?

Продали бы все пожитки, чтобы перебраться в тропики?

Молились бы богу, в которого верили всю свою жизнь?

Молились бы богу, если до того вы не верили в него ни единого дня?

Кричали бы что есть мочи, пока не оборвется дыхание?

Пялились бы в потолок в надежде на то, что он обрушится и погребет вас?

Оставлю пару пустых страниц, где вы можете записать свои мысли, прежде чем перейду к обратному отсчету. Не бойтесь испортить книгу своими пометками. Это же просто вещь. Пишите, пишите, я не обижусь.

– 100

Я просыпаюсь в четыре утра без будильника.

Паола спит. Она позволила мне вернуться в постель, но никаких приставаний.

Сто дней.

Это первое, о чем я думаю.

Сто дней.

Примерно сто, это вопрос статистики.

Не так уж и мало. 2400 часов, из которых примерно 800 пойдут на сон.

8 640 000 секунд. Восемь миллионов. В секундах кажется целая вечность.

Но сто дней звучит как-то веселей. От этого сочетания так и тянет чем-то игривым, мальчишеским.

Что-то вроде «Сто дней до выпускных экзаменов».

Чудное было время. Я разгуливал по улицам в карнавальном костюме (несложно догадаться, что это был костюм мушкетера), держа в руках обувную коробку с отверстием посередине, и клянчил мелочь. Потом мы отправлялись всем классом на традиционное пиршество в пиццерию за счет сердобольных прохожих, которые вспоминали свою юность и свои костюмы и не жалели монет.

Но эти сто дней – другие. Это все мое будущее.

Сто дней.

Я сажусь за письменный стол и достаю со дна ящика старую тетрадь. На обложке красуется Дино Дзофф, поднимающий к небу кубок чемпиона мира. Картинка не слишком хорошая, даже не фото. Это сокровище я заполучил в 1982 году, обменяв его на альбом с изображением футбольных игроков, между прочим, почти что полный. Думаю, обмен был не в мою пользу. Но мне было девять. Я так и не осмелился запятнать священную тетрадь своими каракулями. Мне казалось, что это уникальная тетрадь, которая с течением лет станет редкой и поднимется в цене. Наверное, я ошибся. Но теперь уже плевать.

Я открываю тетрадь и нумерую страницы.

От ста до нуля.

Даже не помню, когда я писал в последний раз. Теперь я могу изобразить разве что свою подпись. Даже цифры, и те ты обычно отмечаешь не ручкой, а клавишей, в телефоне. Я безграмотный дуралей, причем уже по второму кругу. Я пытаюсь написать хоть что-нибудь, наугад выбирая фразу из валяющейся тут же газеты. Почерк просто ужасен, чуть ли не клинопись, точно я всю жизнь проработал врачом.

Наверное, буду вести дневник.

А может, и нет.

Зачем вообще ведут дневник?

Читают ли чужие дневники? Кроме «Дневника Анны Франк» и «Дневника Бриджет Джонс», никаких других дневников в голову не приходит. Кто знает, сколько гениальных рукописей скрывается в тетрадках и ежедневниках, исписанных чернилами руками четырнадцатилетних гениев. Ведь именно в этом возрасте обычно ведут дневники. Женщины любят вести дневники куда больше мужчин. Интересно, почему.

Я никогда не вел дневник.

Я прикасаюсь маленьким шариком стержня к листу.

Задумываюсь.

Итак, что бы я хотел сделать за оставшиеся сто дней?

И тут же впадаю в ступор.

Классический случай писательского кризиса, синдром белого листа.

Я смотрю на ручку, которую держу в руке. «Bic blu». Новая, с резиновым держателем, сама в руке лежит.

Я не могу устоять.

Лезу в Гугл.

Запрос: «Кто изобрел шариковую авторучку?»

Шариковая авторучка изобретена венгерским журналистом Ласли Биро в 1938 г. В Аргентине, где многие годы жил журналист, такие ручки называются в честь него «биромами». Легенда гласит, что вдохновение посетило его, когда он смотрел на ребят, играющих во дворе в бочче, что-то вроде древнего боулинга. После дождя шары, вылетев из лужи, оставляли за собой темные полосы на сухой мостовой. Все гениальное просто. Ручка показала себя надежной и простой, ее не нужно было чинить, а изготовить стоило сущие копейки, так что за несколько лет она смогла занять место перьевой ручки. Можно с уверенностью сказать, что сегодня это изобретение является одним из самых распространенных, не считая колеса. В каждом доме на свете есть как минимум одна ручка. Как жаль, что бедняга Биро из-за финансовых трудностей был вынужден продать свой патент американской компании «Паркер», которая, как мы знаем, сделала неплохое вложение.

Но кто же на самом деле изобрел ручку?

Кто первым придумал ее почти за пятьсот лет до того, как вдохновение снизошло на Биро?

Какой очевидный ответ. Банальный. Само собой разумеющийся.

Леонардо.

Вы думаете, что этот тосканский Пифагоров Архимед смог пройти мимо одного из самых важных мировых изобретений? Как бы не так.

Именно он, родившийся в Винчи зубрила, сделал первые чертежи авторучки. Рисунок, содержащийся в одном из известных кодексов, представляет собой простую трубку, сужающуюся книзу, где она образует своего рода желобок, позволяющий чернилам течь к шарику, который находится в самом конце трубочки, что, собственно, и позволяет писать.

Как жаль, дорогой Биро, что ты оказался вторым.

…Я понял главное, что хочу делать в оставшиеся дни.

Я хочу игнорировать присутствие дружищи Фрица.

Я одеваюсь и отправляюсь в спортзал, как будто ничего не произошло. Я даже не дожидаюсь, когда проснется Паола. Я не знаю, что ей сказать, мне не нравится этот испуганный и растерянный взгляд. Прохожу мимо булочной тестя. Обычно я бываю здесь на пару часов позже. Мой утренний пончик еще горячий. Я сажусь за столик и смотрю, как один за другим открываются магазины. Я никогда не был здесь в такой час. В шесть утра тут показывают не тот фильм, что идет в восемь. Только вот воробей все тот же. Он садится у моей тарелки и смотрит. Если бы он мог говорить, он бы спросил:

– Ты что тут делаешь в такую рань? У тебя все нормально?

И я бы соврал в ответ:

– У меня все отлично, как сам?

– У меня дома не все гладко. Жена потеряла работу, а в гнезде ждут четверо голодных ребят. Ничего, если я отщипну немного пончика?

– Да ради бога.

Он клюет с надкушенной стороны и проглатывает небольшой кусочек.

– А кем работала твоя жена?

– Гуляла со старым вдовцом-дантистом из Прати, который каждое утро приходил на набережную и ходил взад-вперед. Они всегда вместе завтракали, прямо как мы с тобой.

– И почему она осталась без работы?

– Старик нашел себе молодую украинку и теперь завтракает дома. А моя жена осталась на бобах, причем без всякого предупреждения.

– Сожалею.

– Жизнь есть жизнь. Можно еще отщипнуть? Детишкам отнесу.

– Бери.

Он отковыривает довольно крупный кусок, благодарно глядит на меня и летит прочь, элегантно скрываясь за ближайшим углом.

Я доедаю пончик. Облизываю сладкие белые губы. Кричу суетящемуся Оскару «спасибо» и направляюсь в спортзал.

В кармане у меня уместилась та самая тетрадь.

Пока что она пуста.

– 99

Весь день я потратил впустую.

Не знаю почему, но обратный отсчет помогает мне не впасть в апатию. Статистика статистикой, а как будет на самом деле – никто не знает, но сегодня я совершенно не в состоянии думать о том, что случится после дня под номером ноль. Никто не может представить себе, как умрет. Мы стараемся игнорировать смерть. Мы уверены, что уж для нас-то сделают исключение.

Я залезаю в машину и вновь вылезаю. Не очень мне нравится эта машина.

Автомобиль соответствует тому или иному периоду твоей жизни, причем является своего рода символом: сначала ты ездишь на папиной машине, чтобы научиться нормально водить (в моем случае это была дедушкина «рено-4», самая лучшая машина на свете), потом покупаешь машинку б/у немного поспортивней, с двойным приводом, потом встречаешь девушку своей мечты и покупаешь удобную малолитражку с вместительным багажником, чтобы выезжать на романтические прогулки по выходным, а когда появляются дети, ты берешь «стейшн-ваген», самую грустную машину на свете для любителя быстрой езды. И вот я уже вступил в эту самую стадию и боюсь, до последних двух мне не дожить. А последние – это поюзанный «порш» лет в шестьдесят, когда ты тешишь себя мыслью о том, что все еще молод и ничем не хуже сынка миллионера, и, наконец, дорогущий винтажный автомобиль, который ты покупаешь на свое семидесятилетие. Как правило, это та самая модель, на которой ты учился водить. И вот ты залезаешь в машину со слезами радости на глазах и вдруг осознаешь, что гидроусилителя-то нет и что машина едет со скоростью коровы, бредущей по горной дороге. И что у нее нет ни магнитолы, ни навигатора, ни кондиционера, и что окна не открываются при нажатии кнопки, да и кнопки-то нет, и что она потребляет не меньше огромной фуры, а пыхтит, как паровоз прямиком с Дикого Запада, и что пружины сиденья давят в позвоночник и вот-вот продырявят тебя насквозь. Потом ты делаешь круг почета по двору и запираешь ее в гараже. Навсегда. К счастью, всего этого со мной не случится. Я понимаю, что могу думать только о прошлом или о будущем. Точно настоящее потеряло всякий смысл. Но ведь ни прошлого, ни будущего нет! У меня есть настоящее, и только оно. Но я не могу пересилить себя: нейроны снуют взад-вперед, порождая придуманные образы или проваливаясь в воспоминания, точно обезумевшие шарики в старой доброй игре. Но я не сопротивляюсь, я стараюсь не слишком трясти игрушку, ведь если мой мозг откажется работать, это конец. Я отпускаю мысли, и они свободно плавают в бассейне. Никакого контроля с моей стороны. Мой разум не слишком-то светел в последнее время. Вроде бы рака мозга не наблюдается, но мозг работает, точно старый компьютер. Если хорошенько присмотреться, можно разглядеть сообщение с мигающей бомбочкой. То бишь системная ошибка.

Каждый день я надеюсь проснуться и обнаружить, что это всего лишь долгий, нелепый и слишком уж подробный кошмарный сон, какие сняться, когда объешься на ночь, но ничего такого не происходит. Я не просыпаюсь.

Я аккуратно паркуюсь. Здесь, в районе Трастевере, меня уже трижды штрафовали – наверно, инспектор люто меня ненавидит. Ставлю машину в обычном месте, у булочной, где перекидываюсь парой слов с тестем, ни разу не упомянув Фрица, и ем любимый пончик. Мой воробьиный друг сегодня необычайно весел, а я уже иду в сторону спортзала знакомым маршрутом.

Каждая дырочка на тротуаре, каждый камешек мне знакомы. Я уже знаю, когда залает собака и когда на нее закричат из частного дома неподалеку. Я пытаюсь думать о том, что хотел бы успеть за эти девяносто девять дней. Но мне приходит в голову только одна мысль: надо помириться с Паолой.

Я останавливаюсь, достаю тетрадь и пишу:

помириться с Паолой

Потом все зачеркиваю, и снова пишу:

сделать так, чтобы Паола меня простила

Так будет точнее.

Я прихожу на работу и вижу там свою утреннюю группу: шесть грозно-грузных сорокалетних теток. Да, именно так я и хотел сказать. Думаю, вам несложно их представить. Полдюжины одиноких офисных работниц с малиновыми лицами, которые перед тем, как отправиться на работу, ходят в спортзал на мой знаменитый курс «ноги-живот-ягодицы». Они уже давно смирились с тем, что не могут позволить себе персонального тренера, как телеведущие, и довольствуются полноватым, но симпатичным бывшим спортсменом. Думаю, они даже считают меня сексуальным. А я искренне восхищаюсь силой воли, с какой они вкладываются в борьбу с быстротечным временем. Они потеют, но не сдаются. Пока без особых результатов, но их труд над собой вызывает уважение. Некоторые даже намекали мне, что если что, то они бы не прочь… впрочем, я уже и так наломал дров. И я, подобно Микеланджело, концентрируюсь на том, чтобы высечь их ягодицы из жирового камня. И вот сегодня утром я внезапно понимаю, что моя работа нравится мне еще меньше моей машины. Единственное удовлетворение – это тысяча шестьсот евро в месяц, в остальном же я толкаю вспотевшие спины, борюсь против заржавевших суставов и сопротивляюсь силе тяжести, заполняю таблицу упражнений, которые никто не собирается делать, болтаю о безуглеводной диете и сплетничаю. Типичная социально полезная работенка.

Прямо с порога я направляюсь к директору, Эрнесто Беррути. Он – бывший культурист, высоченный тип, напичканный анаболиками, который давит землю бессмысленным весом, занимая пространство, и сообщаю ему, что с конца месяца обрываю свое сотрудничество с чудесным фитнес-клубом «Радуга». Он пытается удержать меня, суля надбавку – тридцать восемь евро в месяц. Тонкий психологический ход. Я смотрю на татуированные в стиле «маори» бицепсы, на длинные седоватые волосы (предлагаю новый закон – запретить носить длинные волосы мужчинам за сорок, у которых уже проступает заметная лысина), на облегающую футболку с изображением «Iron Maiden», вышедшую из моды лет двадцать назад. Я всегда его презирал. Теперь это очевидно. Сто бессмысленных килограммов тупого мяса. Он распространяет в этом районе легкую наркоту, он – мелкий босс квадрата от порта Портезе до Тибра. До этого дня я терпел и старался не видеть, не слышать, не знать. Но сегодня сдерживаться нет сил.

– Тебе нравится работать в этой дыре?

Кажется, до него не доходит смысл моих слов.

– В смысле, когда ты был маленький, ты что, писал в сочинении: «Когда я вырасту, я стану дурацким директором дурацкого фитнес-клуба»?

У меня закрадывается подозрение, что ему обидно такое слышать. Но я продолжаю.

– Ты что, не понимаешь, что ты – как маска комедии дель арте?

Нет, до него не доходит. Я переборщил с заумными словами. Надо бы что-то попроще.

– На тебе все время одни и те же футболки, и все тебе малы, ты носишь хвостик, что давно запрещено во всем Евросоюзе как полное уродство, ты говоришь на сленге, да еще с кучей ошибок, которые даже сложно подсчитать, пожираешь таблетки с такой скоростью и в таких количествах, что через несколько лет станешь импотентом, а когда у тебя что-то спрашивают, ты никогда вовремя не отвечаешь и собеседник должен повторять вопрос снова и снова.

– Ты что, назвал меня импотентом? – взрывается мой работодатель. – Да что ты себе позволяешь?

Это все, что он понял из моей речи. Желая его оскорбить, я переоценил его мозги.

– Нет, – отвечаю я. – Я просто хотел сказать, что передумал и не собираюсь отрабатывать до конца месяца. Всем привет, будьте здоровы.

Я направляюсь к тренерской раздевалке с видом боксера, который проигрывал по очкам всю игру, а в последнем раунде вдруг отправил соперника в глубокий нокаут.

За спиной раздается рев:

– Неудачник! Собирай свои шмотки и проваливай куда подальше!

Милый и изящный способ, чтобы сообщить мне, что я уволен. Это лишь вопрос точки зрения: ведь ухожу-то я сам. Не могу больше терпеть запах пота, хлорки и «Мистера Мускула».

Не знаю, зачем я так. Точнее, знаю. Я всегда хотел это сделать. С тех самых пор, как подписал договор. Порою неприятности придают тебе сил, которых не было раньше. Когда я выхожу с сумкой на плече, секретарша впервые смотрит на меня с уважением. Сегодня я стал для нее героем. Я ухожу, а она остается на каторге. Надеюсь, что когда-нибудь и она сможет вырваться.

Направляюсь обратно к машине. Она удивляется, что я так рано вернулся. Я улыбаюсь и везу ее на мойку. Сегодня и для нее праздник, пусть насладится. Пока я дожидаюсь, когда круглые щетки покончат с грязной работой, я еще раз перечитываю то, что написал в тетради.

`сделать так, чтобы Паола меня простила`

Это будет нелегко.

– 98

В бога я не верю.

Ни в какого бога, ни одной религии.

Я ненавижу само понятие религии. Все они бесполезны, даже вредны. Продвинутое общество не может оставаться рабом древних суеверий.

Вообще-то я крещен, причащался и был миропомазан, волей-неволей, как говорится. Несколько лет назад я даже пытался узнать, нельзя ли раскреститься обратно. И узнал, что это не так-то сложно, нужно только заявить о своем решении и внести соответствующую запись в регистрационную книгу церкви, где был совершен обряд крещения. И если ты раскрещаешься, тем самым ты автоматом отменяешь и все остальные обряды. Но я так и не довел дело до конца, поленился.

Наверное, религия – это та самая тема, на которую мне пришлось рассуждать больше других. Я терпеть не могу всякого рода ритуалы, верования и вообще фанатизм в любой форме. А главное – не выношу магазинную атмосферу, окутывающую все официальные религии, и, собственно, непоследовательность, красной нитью проходящую по каждой из них. Мой дедушка Микеле был заядлый враг верующих – он звал их «дурачками», и, видимо, от него я и унаследовал свое враждебное отношение к религии. А вот бабушка Альфонсина верила в бога. Особенно яростно она почитала Святого Павла и Падре Пио. Ей всегда был свойственен невероятный религиозный оптимизм. Именно благодаря или, проще сказать, по вине бабушки я строил блестящую карьеру примерного верующего вплоть до обряда миропомазания. Мои дорогие предки очень трогательно спорили по этому поводу, и каждый старался перетащить меня на свою сторону. А я улыбался и менял тему.

Религия никогда не играла значительной роли в моей жизни. Вплоть до сегодняшнего дня. Сегодня вера во что-то, любой ее вид, даже самая мелкая и жалкая верушка, какая-нибудь мини-религия, которой не повезло распространиться дальше маленького островка, мне бы не помешала. Вера – это друг. Лучше собаки, даже, пожалуй, лучше лабрадора. Но судьба не уготовила мне такой подарок. Не верю, и все тут. Не то чтобы я атеист, скорее, агностик, что, если верить словарю, означает, что я не задаюсь теми вопросами, на которые не могут дать внятный и вразумительный ответ. Это все равно что пытаться решить уравнение с одними неизвестными. Мой любимый друг Леонардо да Винчи тоже был агностиком, но в его время это называлось «неверующий» или попросту еретик. Он держал свои убеждения при себе, чтобы не угодить на костер (что было бы довольно неприятно) и не потерять заказы на многочисленных мадонн и святых, которые составляли его основной доход. Во всех его текстах есть довольно жесткая критика католической церкви, священников и религии в целом. Так что я в хорошей компании.

Лоренцо и Ева продолжают ходить в школу, до конца учебного года осталось полтора месяца. Паола крутится со своими занятиями как белка в колесе, в апреле всегда начинается предэкзаменационная суматоха, из которой потом складываются итоговые оценки выпускников.

Я еще не сказал ей о том, что уволился. Мы особо не говорим. У нас все непросто, зачем мне скрывать от вас правду. В нашей кровати угнездился третий: клубок из горечи, обиды, привязанности, отвращения и общей неловкости. Мы никогда не остаемся наедине. Не знаю, как сделать так, чтобы достичь своей главной и пока что единственной цели.

– 97

Проигрывать против сильнейших команд – довольно банально. Слишком уж банально и вполне предсказуемо. Но иногда и поражение стоит отпраздновать. «Армия Бранкалеоне» сегодня проиграла со счетом 8:6 против опасной команды «Реал Туфелло», которой боятся все. Ее игроков даже называют «подводные убийцы». За две минуты до свистка мы держали 6:6 и шли на равных с фаворитами чемпионата. За семь дней до конца соревнований они уже почитали себя непобедимыми и спокойно скользили по волнам в сторону выхода в высшую лигу. Мы же сражались за выход в плей-офф, скромный турнир, в котором участвовали команды, висящие с третьего по десятое место. При первом же проигрыше команда выбывала. Мы были на двенадцатом месте, так что небольшая надежда оставалась. Играть бы всегда, как сегодня, и биться до последней секунды.

Биться до последней секунды. Именно так говорил мой первый тренер, похожий на Нанни Моретти[7], но без бороды и с чудесным южным акцентом. Когда-то он был центральным нападающим.

«Друзья, игра не закончена, пока она продолжается».

Как просто, но как точно. Бывает, что в последнюю минуту можно пропустить пять голов подряд, и тогда прости-прощай, и только чудо может спасти ситуацию. Но в спорте часто случаются чудеса. А вот в жизни не слишком. Несмотря на все усилия католической церкви, многочисленных святых и блаженных, чудес наука не признает. И я стану исключением, подтверждающим правило. В книгах на медицинские, религиозные и паранормальные темы будут писать: «Чудес не бывает, но одно все-таки произошло: Лучио Баттистини смог выздороветь, несмотря на гепатоцеллюлярную карциному в финальной стадии и метастазы в легких».

В своей тетрадке с портретом Дзоффа я зачеркиваю фразу про Паолу. Конечно, это тоже важно. Но не теперь. Сейчас есть кое-что поважнее.

То, что в конкретный момент важнее всего.

Записываю:

`не сдаваться`

[7] Нанни Моретти – итальянский актер.

– 96

Только с Умберто я могу разговаривать свободно и откровенно, с другими врачами не получается. Мы встречаемся в нашем излюбленном баре. Настроение ни к черту. Говорю с ним о химиотерапии. Чего я только не прочел на эту спорную тему и так и не пришел к единственному решению.

– Все уже давно пришли к выводу, – начинает Умберто, – что химиотерапия приносит больше вреда, чем пользы. Плюсы есть, но побочные эффекты слишком уж многочисленны. Иммунитет слабнет, человек чувствует усталость, организм теряет силы, которые нужны для того, чтобы побороть болезнь. На мой взгляд, такое лечение никуда не годится. Это все равно что выстрелить в ногу, чтобы удалить мозоль. Мозоли и правда не будет. А может быть, и ноги заодно. Я не советую хозяевам моих пациентов прибегать к химиотерапии. То, что точно гарантирует химия, так это что любимое животное, будь то собака, кот или кролик, уже не будет прежним, но будет без сил лежать на диване и потеряет всякий вкус к жизни. Станет живым трупом.

– Но я-то в полном порядке, мне кажется, я справлюсь. Ведь больше у меня ничего не болит, – спорю я с нетипичной решимостью.

– Тебе кажется, что все нормально, но анализы крови показывают, что ты никуда не годишься. Болезнь идет своим чередом.

– Я записался на повторную компьютерную томографию завтра.

– Но ведь ты делал ее две недели назад!

– Думаю, врачи могли ошибиться.

– Слушай, ты не можешь чуть что делать томографию, это же Х-лучи, от них тебе лучше не станет.

Но я не слушаю никаких аргументов. Мой глупый мозг, обманутый надеждой, верит в то, что все это окажется нелепой ошибкой, досадным промахом врачей.

«Господин Баттистини, простите мою ошибку и непрофессионализм наших лаборантов. Последние месяцы ваши анализы были в норме, а мы ошибались. Вы совершенно здоровы. Позвольте вручить вам чемоданчик, в котором вы найдете миллион евро. Путь это хоть немного загладит нашу вину».

Умберто наступает:

– Ну так что, ты хочешь начать курс химии или попробовать что-то еще, какие планы?

– Не знаю… – отвечаю я, точно боксер, которого внезапно ударили что есть силы.

Наверное, первый побочный эффект рака – это помутнение рассудка. Я хочу ответить, но не могу придумать связной фразы.

– А ты бы что делал на моем месте? – спрашиваю я с замиранием сердца.

– Мы друзья, а врачу не полагается дружить с пациентами.

– Это ясно, но все-таки, как бы ты поступил? – настаиваю я. Мне нужно, чтобы за меня решил кто-то другой.

– Давай дождемся новых результатов, а потом сходим к онкологу.

– Я его ненавижу.

– Понимаю, но не мне давать тебе советы, тут я не помощник. Не забывай, что я ветеринар, а ты все-таки не игуана.

– Какие планы на вечер? – спрашиваю я, пропуская слова своего друга мимо ушей.

– Свидание с зубной врачихой из Прати. Уже второе.

– А этим уже занимались?

– Пока нет. Надеюсь, сегодня все случится.

– Отменяй-ка ты это свидание. Зубные врачихи в постели скучны до безобразия. Давайка лучше позвоним Коррадо и пойдем в пиццерию.

Обычно, когда я диктаторски навязываю Умберто свою волю, он сразу сдается.

– Не хочу тебя разочаровывать, но Коррадо улетел в Токио и вернется только в понедельник. Если хочешь, можем пойти вдвоем.

Но я уже передумал. Безнадежные больные так непредсказуемы.

– Ну и ладно. Наслаждайся своей врачихой, а я пойду в кино, посмотрю Вуди Аллена.

– Кажется, его новый фильм еще не вышел в прокат.

Опять не срослось.

– Ну, тогда домой пойду.

– Кстати, как там дела с Паолой?

– Неважно. Она говорит только «да» и «нет».

– Сам виноват.

– Слушай, давай сегодня без проповедей. Спасибо за прием. Сколько я вам должен, доктор?

– Прием крупных животных – от ста евро и выше.

– Вот придурок.

– От придурка слышу.

Когда мы принимаемся спорить, мы за одну секунду переносимся во времена начальной школы.

Я хлопаю друга по плечу и поворачиваюсь к выходу. Умберто задает тот самый вопрос, который крутится в его голове последние несколько минут:

– Почему ты решил, что зубные врачихи скучны в постели? Тебе приходилось спать с зубной врачихой? Может быть, это тебе не повезло, а остальные ничего?

– Нет, мне лично не приходилось. Просто есть такое выражение: «скучна в постели, как зубная врачиха», – ты что, не слышал? Все так говорят.

– Кто это – все? Никогда не слышал.

– Все, кто пробовал. Все до одного.

Я выхожу из бара и оставляю Умберто счет и кучу сомнений. Само собой, это была шутка. Конечно, с зубной врачихой я спал. Горячая амазонка из Пьемонта по имени Каролина – такую штучку я порекомендовал бы кому угодно. В постели она была прекрасна, но как стоматолог никуда не годилась. Далекие времена, погребенные под метром песка, – чужая жизнь, не имеющая ко мне ни малейшего отношения.

Я прихожу домой и два с лишним часа играю с детьми под пристальным взглядом нашего Волка. Эффективнее такого лечения и не придумаешь.

– 95

– Я уволился с работы.

Лица Паолы, которая в эту минуту принимает душ, мне не видно, но я прекрасно его себе представляю.

Я молча лежу в кровати минуты три. Потом на пороге ванной появляется моя жена в халате. Против света я не могу разглядеть ее выражения лица, но мне несложно представить и его.

– С какой работы?

– С той самой, где мне платили, если ты намекаешь на это, – отвечаю я.

– То есть ты будешь бесплатно тренировать ребят, а с нормальной работы уволился?

– Именно так.

– И можно узнать почему? Тебе ведь прекрасно известно, что мы с трудом дотягиваем от зарплаты до зарплаты?

Я мог бы прочесть лекцию на тему «Психология безнадежно больного», но без публики как-то неинтересно.

– Я решил, что в оставшееся время буду делать только то, что мне нравится. Кажется, это единственное разумное решение.

– Разумное с твоей точки зрения.

– Поссориться хочешь? Я и так уже завелся, лучше не провоцируй.

– Кто тебя провоцирует, кто? Ты сам сказал, никто за язык не тянул. Точка.

– Я не специально. Просто так вышло.

– Ладно, не злись. Как ты?

– Спасибо за беспокойство. Не считая постоянной боли в желудке, затрудненного дыхания и дерьмового настроения, все отлично.

– Сходим к другому онкологу, поговорим?

Я знал, что рано или поздно она это скажет. Это называется «пойти по спирали», то есть сначала идешь к одному врачу, потом к другому, и так далее, и каждый ставит тебе диагноз и назначает совершенно разное лечение. Из этой спирали не выбраться, она держит тебя, как персонажей картин Маурица Эшера.

Почти все семьи на свете попадали в эту бессмысленную и унизительную спираль. Вокруг тебя кружится хоровод лекарств, больницы и аптеки обогащаются, врачи берут пациента за руку и отправляют на тот свет, но сначала обдирают как липку. Но я не дамся. Я обещаю себе, что не дамся.

– Сегодня у меня еще одна томография. Тогда и решим.

Я говорю во множественном числе, намекая Паоле, что понятие «мы» для меня важно и даже фундаментально. Она молчит. Очевидно, что я обидел ее куда сильнее, чем мог предположить.

Я беру тетрадь с портретом Дзоффа и снова пишу ярко-красным:

`сделать так, чтобы Паола меня простила`

Пусть будут две главных цели. Если даже я вылечусь, а Паола меня не простит, это будет уже не жизнь.

– 94

Результаты компьютерной томографии готовы.

Посмотреть не хватает смелости.

Я выхожу на улицу.

Я направляюсь к Роберто, еще одному другу, который работает продавцом в книжном магазине. Нет, пожалуй, «друг», это я загнул. Он просто приятель. Но хороший приятель. Мы не виделись уже несколько месяцев, я был занят своими хлопотами, о которых читатель уже в курсе.

Роберто добрых пятьдесят пять лет. У него маленький магазинчик на углу позади Кампо-деи-Фиори, где он продает книги и комиксы. Настоящая дыра. Пыльная витрина, на которой угадываются очертания последних бестселлеров, начиная с «Я убиваю» Фалетти и заканчивая книгами Дэна Брауна, а рядом сгрудились состарившиеся и пожелтевшие классики. Несколько лет назад благодаря Роберто мне удалось собрать все выпуски любимого комикса «Дьяволик». Роберто продает книги по цене, написанной на обложке. Даже если книга вышла лет пятьдесят назад и на ней написано «150 лир», он переводит лиры в евро и выдает тебе сдачу с точностью до цента. В углу у него особая полка. На ней стоят романы, которые написал сам Роберто за последние тридцать лет, когда на работе выдавалась свободная минутка. С десяток книг. Они напечатаны на машинке и сшиты спиральной пружинкой. Каждая книга существует в единственном экземпляре. Цена каждой – двадцать евро. И если одна продается, то для автора она утеряна навсегда. Когда Роберто рассказал мне об этом, я думал, он шутит.

– Ты написал кучу романов и продаешь их, не оставив себе даже копии?

– А зачем?

– Ну, не знаю, чтобы не потерять. Чтобы заработать.

– Да кому нужны эти деньги. Я писал, и процесс доставлял мне удовольствие. Я уносился в другой мир. И этого мне вполне достаточно. А двадцать евро беру, чтобы окупить бумагу и чернила.

Мне всегда казалось, что Роберто – романтичный безумец. Ему нравится писать для собственного удовольствия, он не мечтает о славе, не надеется выиграть премию, не хочет участвовать в конкурсах, попасть в лидеры продаж.

Сегодня я пролистал книжку в синей обложке – типичная приключенческая история в стиле Жюль Верна. Потом вторую – замысловатые любовные перипетии на фоне событий Первой мировой войны, как в романах Негретти. За свою писательскую карьеру Роберто опробовал себя во всех жанрах, в зависимости от настроения и желания он писал то одно, то другое. Книги, о которых не узнает никто. Они никогда не станут золотой классикой. Лишь немногие «избранные», которым посчастливилось их купить, смогут насладиться чтением. За свою жизнь я купил с десяток романов Роберто и, надо сказать, прочел их с большим удовольствием. Не шедевры, признаться, но читаются быстро, а кроме того, тот факт, что ты единственный читатель (и обладатель) этого романа, оставляет в душе ни с чем не сравнимое чувство.

Сегодня Роберто собрался начать новую книгу – о крушении корабля вблизи неизвестного острова, не указанного на картах, где живут злобные каннибалы. В отличие от Дефо, Роберто собрался отправить на корабле не Робинзона Крузо, а юную и вечно ссорящуюся пару молодоженов. Идея не то чтобы слишком оригинальная, но суть не в том.

Некоторое время я слушал, как стучит печатная машинка «Оливетти» и завороженно следил за движениями Роберто, точно слушал концерт, исполняемый самим Шопеном. Затем

попросил иметь меня в виду, когда новый бестселлер появится в продаже. Весь тираж разойдется в одно мгновенье – вот это успех, так успех.

Потом я немного прогулялся и вернулся домой. Там я наконец-то открыл папку с анализами, устроившись так, чтобы Паола меня не заметила.

Новости плохие.

Даже очень.

Метастазы активно развивались. Они пожирали меня, точно убийца, пытающий жертву, выпускающий кровь капля за каплей. Я смотрю на черные пятнышки, которые живут во мне, и невольно улыбаюсь. Мои легкие похожи на игру в детском журнале, где надо соединить точки, чтобы получился рисунок. Наверное, чувство юмора – тоже один из побочных эффектов рака. Оно возникает не к месту и не ко времени.

– 93

– Послушай, что если мне попробовать химию? Один пробный цикл. Что скажешь? – спрашиваю я Паолу, пока она сливает воду из кастрюли с макаронами.

– Почему ты передумал?

– Сам не знаю. Нельзя же ничего не делать.

– Ты помнишь, как было с отцом Джиджи?

Джиджи, то есть Джанлуиджи – близкий друг Паолы, известный энолог. Его отец умер от рака кишечника несколько лет назад. Он был известным телеведущим, но последние годы его отправили вести телемагазин. Жизнерадостный, энергичный, веселый мужчина. Мы все наблюдали, как он медленно угасал, как будто химия высасывала из него все силы. Накануне своей смерти он был совершенно не похож на того веселого человека, в которого валом влюблялись итальянки семидесятых.

– Плохой пример, – решительно парирую я. – Отец Джиджи перевалил за семьдесят, курил, пил не просыхая, кутил всю жизнь, не занимался своим здоровьем. А я спортсмен. Ну, или почти спортсмен. Черт побери, со мной все будет не так!

– Не ругайся при детях.

– Дети ругаются похлеще меня, Лоренцо может экзамен по ругательствам сдавать.

– Еще бы, ты хорошо постарался.

– Милая, брань летит отовсюду – только ее и слышишь на улице, в кино. Пытаться бороться с ругательствами – это все равно, что стараться не промокнуть во время грозы. Не расстраивайся!

– У тебя на все оправдание найдется.

Как несложно догадаться, все наши ссоры начинаются именно так. Из ничего. Для них даже не надо искать причину. Мы начинаем спорить, разговор теряется в подробностях, мысль цепляется за слово, и костер разгорается так, что не остановить.

К счастью, Паола придумала прекрасное средство, чтобы не продолжать эту серию пререканий. Она внезапно подносит ладони к макушке, делая своеобразные «ушки» и говорит: «Я кошка, я кошка. Я не понимаю ни слова». Я смеюсь, и ссора сходит на нет. Гениальный способ снять напряжение. Жаль, что после истории с Изабеллой Морони Паола больше не прибегает к нему. Наши разногласия перерастают в настоящие ссоры, иногда до крика, а пару раз дошло даже до битья посуды. Какой пример детям! У каждого из нас есть свои причины злиться и напрягаться, так что результат обеспечен.

На этот раз я беру все в свои руки и обрываю ссору. Выхожу на улицу и звоню онкологу.

– Я принял решение. Я хочу начать курс химиотерапии.

– 92

Мой пес меня терпеть не может. Не переносит на дух.

Не знаю, как такое возможно, но Волк никогда меня не любил. Когда Паола или дети приходят домой, он радостно машет хвостом и прыгает. Когда возвращаюсь я, он даже головы не поднимет. А ведь это я спас его из приюта, и я же гуляю с ним, чтобы он сделал свои делишки, как рано утром, так и поздно вечером. Даже когда я кладу в его миску обед или ужин (между прочим, роскошный – натуральная курица с овощами, купленными у знакомого фермера), пес меня игнорирует, не жалуя даже взглядом, даже лаем, и лапу не дает. Ну и пусть. Для Волка я совершенно чужой человек, который живет у него в доме и обслуживает его нужды. Что-то вроде мажордома, или нет – пожалуй, «раб» будет точнее. Мне кажется, он думает, что является законным собственником нашей недвижимости. Хозяином, мужем и отцом моих детей. А я просто жалкий слуга, которого приходится терпеть, потому что от него есть определенная польза. Но лучше держаться с ним построже.

Но с тех пор, как мне стало хуже, Волк изменился. Он часто подходит к дивану, на котором я сижу, и трется о ноги, как кот. Он будит меня по утрам, облизывая мне лицо. Словно шестое чувство подсказывает ему, что мое рабство вот-вот закончится. Точно он понял, насколько мое присутствие важно для его повседневной жизни. Сегодня с утра он смотрел на меня и не отводил глаз. Он уставился мне прямо в зрачки, точно хотел передать телепатически то, что не мог сказать словами.

«Я знаю, что ты скоро уйдешь, и мне немного жаль. Конечно, как раб ты не идеален, немного резко тянешь поводок, когда я хочу покрасоваться перед девчонками в парке, с маслом в рисовой каше тоже перебарщиваешь, редко стираешь мое покрывало и никогда не покупаешь пищащие мячики, которые я обожаю, но в целом ты ничего. Ты смешной. Особенно смешно, когда ты изображаешь из себя вожака – ведь настоящий вожак-то я, смешно, когда ты играешь с моими детьми или стараешься подкатить к моей Паоле. Частенько за эти пять лет я думал о том, чтобы бросить тебя на дороге подальше от дома, но потом понимал, что Лоренцо и Ева к тебе привязались, и сдерживался. Теперь ты болен, я это знаю. Хочешь, я завалю тебя, как тот тип, что завалил свою лошадь?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.